

Бык из машины

Автор:

Генри Олди

Бык из машины

Генри Лайон Олди

В приморском городе Кекрополе идет дождь. Пьяницы сидят в барах, полиция ловит преступников, а байкеры пристают к девчонкам, приехавшим на заработки из разрушенной бомбежками Халпы. В городе Кекрополе бродит голодный Минотавр, и Тезей, профессиональный борец из клуба «Элевсин», ищет путь в этом лабиринте, иначе цепь убийств трижды обернется вокруг Кекрополя. Куда смотрят боги? Или мы называем их богами просто за неимением лучшего слова?!

История Тезея и Минотавра известна всем. В новой книге Г. Л. Олди она рассказана по-другому, вынуждая задуматься: так уж ли мы, дети цивилизации, вооруженные гаджетами и пистолетами, отличаемся от шлемоблещущих героев Древней Эллады? А может быть, Минотавр – великий уравнитель?

Генри Лайон Олди

Бык из машины

Как бык, секирой насмерть поражен,
Рвет свой аркан, но к бегу неспособен
И только скачет, болью оглушен,

Так Минотавр метался, дик и злобен;

И зоркий вождь мне крикнул: «Вниз беги!»

Пока он в гневе, миг как раз удобен».

Мы под уклон направили шаги,
И часто камень угрожал обвалом
Под новой тяжестью моей ноги.

Данте Алигьери

«Божественная комедия»

Пролог

- Не надо!

В ответ - смех. Нет, не смех - гогот.

- Помогите!

Уже не гогот - ржание. Счастливый конский храп.

Полифем смеялся громче всех. Это он умел. Ну откуда здесь помощь, кроме нашей? Трус в одиночку, о чем знали все, мозгляк и жила, в компании Полифем преобразался, киксовал с полоборота, о чем тоже знали все. Первым лез на рожон, бил тоже первым. Казалось, братки - хочешь, не хочешь - скидываются Полифему на снос башни, и абзац, приехали, вставай на базу.

- Оставьте меня!

Ага, разогналась. Мы только завелись.

Дождь звонко цокал по асфальту тротуара, по булыжникам старого, мощеного тыщу лет назад Вакхова спуска. Каплями сбегал по граффити «ARGO чемпион!», исполненному в сине-серебристых тонах - цветах команды. На щербатом,

грязном кирпиче стены надпись смотрелась мощным слоем инея, упавшего не в срок. Мяучила кошка под дверью банки, ржавой халупы из великого множества здешних гаражей – пустых, заброшенных, запертых навсегда. Окна панельной пятиэтажки, одиноко торчащей напротив стоянки, будто зуб в старческой пасти, светились желтым. Но нет, ни одна живая душа не торопилась высунуть нос в форточку, справиться, в чем дело, или наорать на шумную компанию. Тайком вызвать полицию? Дураков нет, «синяки» приедут и уедут, а байкеры останутся, и ты, козлина, останешься в своей зачуханной хате, ты дождешься, блин, если не съедешь наутро в другой район, понял?

Это Полифем изобрел покатушки голяком. Однажды выяснилось, что времена, мать их, изменились: трахнуть свежепойманную, вопящую, удерживаемую братками тёлку Полифему стало не в кайф, и добро бы просто не в кайф, а то ведь не стои?т, не лезет, хоть плачь. Смотреть же, как тёлку трахают другие, держать и смотреть, наспех сочиняя дешевые отмазки, чтобы не выставить себя на позор – это было не просто не в кайф, а в такой некайф, что хоть криком кричи. Дело шло к обидному зашквару, прозвище «Дристамед», за которое бьют смертным боем, успело прозвучать – поначалу в шутку, но знаем мы эти шуточки! – и вот в очередной раз, когда тёлочку ободрали наголо, перекидывая мячиком от братка к братку, страдальца Полифема осенила гениальная идея. Рискую получить кулаком в ухо, он вырвал тёлку из татуированных ручищ Эпаминонда, прыгнул в седло «Химеры», кинул добычу перед собой, звонко шлепнул ладонью по телячьей заднице – и заорал, вихрем срываясь с места:

«За мной!»

Уговаривать никого не пришлось. Братки дали газу, устремляясь за Полифемовой «Химерой» – кто чуял новую игру, кто хотел вернуть тёлку, а Эпаминонд, бычара-тупарь, ревел благим матом, расписывая, как станет бить придурка, на раз подломившего веселье. Тёлочка, жаркая и потная, билась на коленях у Полифема, вскидывая задом, визжала от ужаса, аж заходясь, когда пальцы ног на крутом вираже чиркали по мостовой. Полифем откликнулся трубным ревом, в котором без слов звучало: «Встаёт! Мать его дери, встаёт! Стои?т!..» – и едва сто восемьдесят пять лошадок, бегущих в моторе Эпаминондова «Тифона», домчали «Тифон» куда надо и притерли к «Химере», Полифем внаглую швырнул тёлку Эпаминонду и велел, как будто имел на это право:

«Гони!»

Эпаминонд не сразу сообразил, что происходит. Тёлочку он поймал, с его здоровьем и не поймать – забросил за спину, на манер честной шалавы, умолившей прокатить ее с ветерком, и голая тёлка, обезумев от страха, мертвой хваткой вцепилась в Эпаминонда, обвила руками, прижалась грудью и животом, как если бы дурела от любви.

«Го-го-го!» – заржал бычара.

На скорости он выронил, выплюнул, потерял второй слог от слова «гони».

Полифем пристроился в хвост. Братки поднажали, и шумная орда, время от времени перебрасываясь тёлкой, как баскетболисты – мячом, вылетела на проспект Кекропа, в темноте полосуюя мрак фарами, рванула к аэропорту, но не доехала, распугивая мирные тачки, свернула у мясокомбината в новострой, заплясала меж серыми, молчаливыми домами, превращая спальный микрорайон в бессонный, бранящийся, горланящий с балконов – дальше, дальше, к реке, вдоль набережной, в парк, к колесу обозрения, мимо стадиона, немых трибун, беговых дорожек... Они грели резину, катаясь от обочины к обочине, пьяные в слюни от внезапного восторга. Козлили на задних колесах, дрожили ручки газа, рыча двигателями. Колбасили без цели и направления; давили креста?, откидываясь всем телом назад и широко разводя руки. Тёлка сорвала голос: хрипела, сипела, кашляла. Ею обменивались, её усаживали, укладывали, лапали, шлепали, щипали. Похоже, в тёлке крылись неисчерпаемые запасы испуга, бьющего по мозгам круче наркоты: пей, браток, кури, нюхай, ширяйся на здоровье! За стадионом, на склонах, густо заросших дикой травой, где по утрам выгуливали собак, табун встал на прикол. Возбужденно гомоня, байкеры собрались было все-таки трахнуть тёлочку – не пропадать же добру? – но передумали.

«Гуляй, подруга! – разрешил Эпаминонд. – Заслужила!»

Никто не возразил. Грудой парного мяса тёлка сползла с седла, встала на четвереньки – вид ее сейчас несколько не возбуждал братков – и сучкой, которую хозяин выгнал из дома, потащилась куда-то. Кажется, она плакала, а может, стонала. Полифем не вслушивался. У Полифема все было хорошо, лучше лучшего. Плевал он на всех тёлочек мира, плевал и сплёвывал. Теперь он знал, что делать, если не стои?т.

«Покатушки!» – выкрикнул он.

«Го-го-го! – откликнулись братки. – Покатушки! Срыв с катушки!»

«Покатушки голяком!»

«Го-го-го! Го-голяком!»

Так и прижилось. А братки, когда назавтра табун собрался вместе, хвастались, как ловко и бесконечно имели своих девчонок, которые добровольцы, по согласию. Едва вспомнишь тёлку, дурняком летающую из седла в седло, и хоть бетон долби, честное слово! Голова у тебя, Полифем! Оригинально мыслишь, брат, с подходцем!

– Не надо!

Эпаминонд отпасовал тёлку Полифему, и тот принял пас в прыжке. Сегодняшнюю тёлочку отловили в плавучих доках, на эстакаде между пирсом и понтоном – дурища отбилась от подруг, возвращавшихся после смены. Вне сомнений, она была метечкой, малоазийской переселенкой, а может, беженкой из Халпы. Все они такие: ребра наружу, а корма мощная, устойчивая, что твоя баржа. И сиськи ничего, торчат. Метечек Полифем определял без документов, наощупь. Облапав тёлку по быстрячку, для визгу, Полифем стащил с неё косынку – последнее, что оставалось на метечке – и, прихватив тонкое, пульсирующее от крика горло согнутым локтем, повязал косынку себе на манер банданы.

Табун взревел от восторга. Этот фокус не удавался никому, даже ловкачу Хомаду, центровому табуна «Лизимахов». Все удерживали тёлку по-простецки, в обхват, левой рукой, и обламывались, пытаясь справиться с банданой одной правой. Полифем же нашел рабочий способ, позволяющий и тёлочку держать, и все десять пальцев для дела освободить. Тут главное было, вывязывая узел на затылке, не придушить хрипящую забаву насмерть, но это уже вопрос решаемый, если вслушиваться в хрип – и не пропустить момент, когда он переходит в сипение и бульканье.

Иногда Полифем полагал, что из него вышел бы славный дирижер оркестра. В байкерах веселее, но искусство требует жертв!

– Отпусти ее.

Сперва Полифем не въехал. Решил, что передержал тёлочку, время делать пас, а то братки заждались, хотят в седла. Он надавил покрепче, сверху вниз, чтобы тёлка упала на колени, открывая обзор – и завертел головой: кто тут бухтит? кто?!

– Отпусти, говорю.

Тут Полифем и увидел его. Крендель стоял на углу Козьего въезда, в тридцати шагах от табуна, привалясь плечом к столбу с мигающим фонарем. Крендель разговаривал с Полифемом так, словно, мать его дери, был Полифемовым отчимом, скорым на расправу, и держал в руках солдатский ремень. С тринадцати лет, с радостного дня, когда Полифем раскрыл отчиму башку кувшином для цветов, полным воды и увядших тюльпанов, байкер никому не позволял командовать собой. Ну хорошо, с глазу на глаз позволял, случалось, а в компании – ни-ни!

– Иди сюда, – бросил крендель тёлочке.

Полифем хмыкнул:

– Ага. Беги, подруга. Со всех ног.

И намотал телячьи волосы на кулак.

– Я велел: отпусти, – напомнил крендель. Голос его был скучен, как протокол в участке. – Оглох?

Полифем, может, и оглох, а табун уж точно окаменел. Не вмешиваясь, дрожа от предвкушения, все ждали, когда же Полифем разберется с наглым не по чину кренделем. Такие пижоны время от времени забредали на базы табуна: угощали пивом, набивались в братки, по пьяному делу вспоминали, что и они, крендельки, гоняли байки по трассам, да вот, жена, дети, начальники... Полифема бросило в жар. Чувствуя, как дождь закипает, едва коснувшись его воспаленной кожи, он изучал кренделя мутным от ярости взглядом. Красавчик, да. Жаль будет портить. Плащец такой моднявый, цвета мокрого песка:

короткий, до середины бедра, с поясом. Шляпа из коричневого фетра: поля опущены, тулья примята. Вокруг тульи – «змеиная» лента с пряжкой. Модельные туфли-плетенки. На лицо из-под шляпы падает длинный, вьющийся на конце локон. Блондин, что ли? Фонарь перестал мигать, разгорелся как следует, и Полифем уверился: блондин. Отчим был блондином. Отчим был натуральным, а этот, мамой клянусь, крашенный.

Ненавижу, подумал Полифем.

Он толкнул тёлку ногой, и та шустро отползла к гаражу, где до сих пор мяучила кошка. Нырнула в щель между банками, сгнула. Поползи она к красавчику, и Полифем прибил бы заразу без колебаний.

– Ты попал, – разъяснил ситуацию Полифем. – Давай, я жду.

Красавчик сделал шаг, другой. Дождь усилился, порывом ветра с красавчика сорвало шляпу. Стригся крендель не по-людски: если не брать в расчет единственный локон, весь его лоб был выбрит до макушки. Волосы сзади отросли на манер тёлочкиных, волной падая на плечи. Ну, это если распустить, тогда бы волной, а сейчас крендель собрал волосы в похабный хвост.

Полифем хохотнул:

– Девочка! Любишь байкеров, девочка?

Крендель наклонился к шляпе, но поднимать раздумал. Наверное, решил, что если после оскорбительной «девочки» покроет голову, это даст Полифему какое-то преимущество. Он прошел дальше, к мотоциклам, остановился у Полифемовой «Химеры», словно чуял, кому принадлежит этот байк. Положил руку на седло, с нажимом провел ногтями по туго натянутой коже. Скрип болью отдался в сердце Полифема, и боль переплавилась в бешенство.

– Не тронь байк, – посоветовал он кренделю. – Убью.

И осклабился:

– Покатушки голяком, а?

Кажется, Полифем изобрел новое развлечение.

Крендель словно и не слышал. Сучий потрох, он по-хозяйски сунул руку под седло, туда, где сидение крепилось к раме – лучше бы он сунулся Полифему между ног! – а второй, правой рукой взялся за переднюю вилку. Убью, молча повторил Полифем, уже зная, что убьет, без вариантов.

– Эй! – буркнул Эпаминонд. – Эй, ты чего?

В вопросе тупаря звучала непривычная робость.

Вместо ответа крендель присел и встал, но уже вместе с «Химерой». Байк он держал легко, без напряжения, как жених невесту, лишь самую малость приняв вес мотоцикла на грудь. Сухая масса, вспомнил Полифем, полтора центнера, снаряженная – в районе двух. Плащ безнадежно испачкался в масле и грязи, размытой струями дождя, но вряд ли это, судя по лицу, тревожило красавчика. Ярость вытекла из Полифема, и бешенство вытекло, и еще кое-что, кажется, вытекло, но Полифему было не до стыда, и уж точно не до угрызений совести. Медленно, сантиметр за сантиметром, крендель поднимал «Химеру» все выше. Дыхание его оставалось ровным, как у спящего младенца, щеки – бледными, и когда локти кренделя, считай, выпрямились – полуприсед, толчок, и байк отправился в полет, решив, что родился аэропланом.

Летела «Химера» недолго.

Полифем едва успел отскочить назад. Грохнулся байк с дребезгом и лязгом, глушитель отлетел прочь, спугнув кошку, еще недавно – бесстрашную к насилию, гоготу и телячьим воплям; отломилась подножка, отвратительно погнулось переднее крыло, а с ним за компанию и кронштейн крепления руля. «Химера», любимица «Химера», хищница и стерва, бесстыже валялась перед всем табуном грудой дохлятины, и Полифем внезапно засомневался, что кренделя удастся ободрать до нитки, втоптать в лужу пижонский плащик с туфельками и шляпой, а насчет швырять кренделя из седла в седло на полном ходу – и вовсе под вопросом, и вообще покатушки голяком – не такая клёвая идея, как казалось раньше.

– Я тебя знаю, – внезапно сказал Эпаминонд.

В хриплом рыке тупаря звучала радость, незамутненная детская радость. Казалось, он встретил родного брата, с которым Эпаминонда разлучили при рождении.

– Ты Тезей, борец. Ты борешься в «Элевсине», у Керкиона.

– Я Тезей, – кивнул Крендель.

– Я ставил на тебя против Скирона. Против Перифета. Против Кромионца-Кабана, в прошлую субботу.

– Много выиграл?

– Мало. На тебя ставки низкие.

– Ставил бы на Кабана.

– Против тебя? Я что, дебил?

Крендель молчал.

– Нет, – настаивал Эпаминонд, – нет, ты скажи! Я похож на дебила?

Крендель неопределенно пожал плечами.

– Я твой фанат, парень.

Эпаминонд сиял. Эпаминонд лыбился. Эпаминонд потрясал кулаками:

– Ты чемпион, а я твой фанат. Деньги – пыль, говно. Сколько ни заработал, на выпивку хватит.

Байкер достал фляжку:

– Угостить тебя?

Они разговаривали так, словно Полифема тут не было. Да что Полифема – табуна не было, мать их дери!

– В другой раз.

– Клянешься?

– Выиграешь на мне пять раз подряд, тогда и проставишься.

– Заметано! Ты что пьешь?

– Всё.

Крендель огляделся. Убедившись, что тёлка сбежала, а значит, конфликт исчерпан, он поднял шляпу, отряхнул ее и нацепил на голову. Упрямая прядь волос опять выбилась наружу, упала вниз, разделила лицо на две косые неравные части. Уходил крендель, не оглядываясь: знал, что преследовать не будут, а может, чихать хотел на преследователей.

– Борец, – глупо повторил Полифем.

– Борец, – согласился центровой Хомад. – У Керкиона борется.

– В «Элевсине»...

– Скирона завалил.

– Скирона!

– Перифета завалил. Блин, Перифета-Дубинщика...

– Ага! – Эпаминонд ослабил, демонстрируя фатальную недостатку зубов. – Голыми руками. Я еще думал, не поставить ли против Тезея. Лучший бой месяца! Перифет резиновой дубинкой дрался, а он его – раз!..

Эпаминонд показал, как крендель Перифета – раз. Получилось убедительно. Наверное, в исполнении кренделя это было еще убедительней. Оригинал всегда лучше копии. Вряд ли Перифет был тяжелей «Химеры» в снаряженном состоянии. Лязг, вспомнил Полифем. Дребезг. Глушитель отлетел. Крыло погнулось, рулевой кронштейн. Даже не хочется думать, что отвалилось у бедняги Дубинщика.

– Кромионца завалил...

– Ага! Кабан ему в ноги, а он сверху. И локтем, локтем...

– Локтем – это круто...

– Кабан лег, храпит. Слюни по полу...

С каждой секундой, с каждым словом, произнесенным вслух, Полифем чувствовал себя уверенней. Нет, не трус. Не чмо позорное. Не Дристамед, добра полные штаны. Мы если кому и уступим, так только чемпиону. Перифета завалил, Скирона, Кабана, вот уже и мы в хорошей компании. А «Химеру» починим, без проблем. Руки, слава богу, не из жопы растут. Связался бы с чемпионом, он бы нам руки точно туда запихал. И локтем, локтем!..

Фляжка Эпаминонда пошла по кругу. Яблочный самогон обжигал глотки, кулаком пробивал пищеводы, комком огня ворочался в луженых желудках. У Хомада в заначке нашлась вторая фляжка, с можжевелевой водкой. Полифем расщедрился на последнюю баклажку пива, которую собирался прикончить без чужих ртов, на ночь. Жизнь удалась. Еще минуту назад все складывалось хуже некуда, и глядите-ка – удалась!

– Скирон!

– Перифет!

– Кабан!

– Завалил...

- Говорит: выиграешь пять раз...

- Завалил...

Про «Химеру» не вспоминали. Байк лежал, где упал, но призрак мотоцикла, брошенного под ноги Полифему, ездил рядом, накручивал круги, рычал двигателем, придавая разговору таинственную подоплеку. Ни словом, ни намеком братки не затрагивали случившееся. Впору было поверить, что байк взлетел сам, и упал сам, и хватит об этом. Полифем видел, что братки втихомолку подмигивают ему, ему одному – не перемигиваются, а подмигивают! – кивают на «Химеру», со смыслом поджимают губы, и на лицах видна значительность события, такая офигенная, прут ей в рот, значительность, что отблеск славы ложится на Полифема, превращая неудачника в героя.

- ...тогда, мол, простишься...

- ...резиновой дубинкой...

- Голыми руками!

- Керкион абы кого не выпускает.

- Ха! У Керкиона опыт...

- У него чуйка...

- Эй! Братва!

- Вернулась?!

У банки стояла давешняя тёлочка. В чем мать родила, она стояла без малейшего стеснения, даже не думая прикрыться. Взгляд тёлочки липким слизнем переползал с одного байкера на другого. Когда она уставилась на Полифема, тот содрогнулся. Люди так не смотрят, и кошки с собаками не смотрят. Башню, что ли, снесло? Ну ее в пень, не до покатушек сегодня.

После знакомства с кренделем, оказавшимся вовсе не кренделем, а борцом Тезеем, Полифем подозревал, что у него не встанет даже на секс-бомбу со справкой, прыгни та нагишом к нему в седло. Да и «Химера», блин, не на ходу...

- Вали отсюда!

Он ждал возражений, но табун, похоже, был согласен.

- Вали, пока мы хорошие!

Тёлочка стояла. Смотрела. Облизывала губы.

- На, держи!

Полифем сорвал косынку, бросил в тёлку. Не добросил: косынка упала в лужу. Эпаминонд поднял с земли юбку: мокрая, грязная, юбка разошлась по шву. Смял в кулаке, швырнул хозяйке. Хомад запустил в дуру курточкой:

- Оденься! И вали, вали!..

Тёлочка кивнула: не байкерам, скорее каким-то своим мыслям. И, тряся сиськами, направилась к Эпаминонду. Шла она не торопясь, но до изумления быстро: вот еще у банки, а вот уже рядом с тупарем. Протянув руку, тёлочка погладила Эпаминонда по колючей щеке. Полифем увидел темные волосы у нее под мышкой; опустил взгляд ниже, отметил курчавый треугольник в паху, на который раньше не обратил внимания. Точно, малоазийка, из Халпы. Этих бриться силой не заставишь. Была у Полифема девчонка-халпийка, так он язык стер, уговаривая. Колется ей, видите ли, и раздражение...

Тёлочка гладила и гладила. Ногти ее слегка поскрипывали на жесткой щетине, покрывавшей щеки байкера. Не двигаясь, словно боясь спугнуть диво-дивное, Эпаминонд тайком подмигнул браткам: видали? Девки западали на Эпаминонда, все знали об этом. Но чтобы вернуться, когда только что вопила, как резаная? Полифем успел пожалеть, что Тезей отвалил до срока - вот была бы потеха! - но жалел он недолго, потому что тёлочка опустила руку ниже, скользнув кончиками пальцев по квадратному подбородку тупаря, затем непринужденно взялась, словно так и надо, и вырвала Эпаминонду кадык. Когда пальцы ее сомкнулись за

кадыком, стоявший рядом Полифем услышал слабый хруст, а во время рывка – влажный чмокающий треск.

Эпаминонд булькнул. Стало видно, что кадык его на месте, никуда не делся. Показалось, с облегчением вздохнул Полифем. Поверить в происходящее ему было труднее, чем знакомой халпийке побриться в интимных местах. Едва-едва поверишь, убедишь себя в реальности, а оно, значит, колется и раздражает, сил нет. Эпаминонд все булькал и булькал, на манер баклажки пива, которую разливают по кружкам, потом упал на колени и забулькал громче, тщетно пытаясь справиться с повреждением хрящей гортани и начинающимся травматическим отеком в области голосовых связок. Тёлочка тоже встала на колени, еще раз погладила байкера по щеке, мощным рывком свернула Эпаминонду шею, будто цыпленку, и оттуда, с колен, в прыжке боднула Полифема головой в живот.

Мир взорвался.

Осколки забили горло кляпом.

Целую вечность Полифем учился дышать заново. Это было мучительно. Это было хуже всего, что случилось с Полифемом в его короткой, насыщенной событиями жизни. Он корчился в луже, разбрызгивая грязную воду с радужными кляксами бензина. Из носа текло, изо рта текло, живот превратился в топливный бак, куда сунули горящую тряпку, и этот бак взрывался снова и снова, как если бы взрыв засняли для кино и поставили на повтор. На вдохе спазм перекрывал путь воздуху, выдох разбрызгивал сопли и слюни. Полифема рвало желчью, мозг слал панические сигналы рукам и ногам – руки хватали, ноги загребали, отчего лёгкие сморщивались, высыхали, превращались в плотный комочек. Какой-то другой, нездешний Полифем висел в воздухе, на метр от страдальца, и бессмысленно хихикал, понимая, что абзац, приехали, вставай на базу. Вокруг что-то происходило, что-то важное, быстрое, шумное и неприятное, но свались на Кекрополь атомная бомба, и она не отвлекла бы Полифема от мук удушья.

В паху затвердело. Живительный воздух ворвался в лёгкие. Полифем зашелся диким кашлем, попытался встать на четыре кости, но его толкнули в грудь, веля лежать смирно, а главное, на спине. С отстраненным удивлением, как если бы он был зрителем, а не участником, Полифем обнаружил, что тёлочка внаглую стянула с него штаны – Эпаминонд сдох бы от зависти! или он и без зависти сдох? – и сейчас возбуждает его рукой, а Полифемов дружок, мать его дери,

откликается на это безбожное насилие. Когда возбуждение достигло предела, тёлка перетянула предмет ее интереса, обвязала у самого корня тонким шнурком, на котором раньше висела счастливая монета, амулет центрального Хомада, взгромоздилась на Полифема, словно он был наикрутейшим байком, и рванула с места, погнала по колдобинам.

Не вырубись Полифем на третьем повороте, он бы знал, как это назвать. Покатушки голяком, да. Сам придумал.

Глава первая

1

Питфей

Он проснулся в полночь.

Старость не радость, подумал Питфей. Его трясло, хотя приступ уже миновал. Кратковременный, как и все приступы такого рода, ожидаемый, чтобы не сказать, долгожданный, предсказанный еще прошлой осенью – и тем не менее, даже воспоминание о нем сдавливало сердце холодной рукой. Пот на лбу уже высыхал: холодный, липкий след слизи. Пульс делался медленней, возвращаясь к норме; дышалось без боли – мнимой, не имеющей реальной причины, но оттого лишь более мучительной.

Думать о том, что испытывают люди, подобные Питфею, которых угораздило заснуть ближе к эпицентру бедствия, не хотелось. Думать вообще не хотелось, ни о чем.

Пережить смерть – фигура речи, не более. Само словосочетание «пережить смерть» – парадокс. Так и видится свежая могила, из холма торчит остро

наточенная коса, а вокруг – скорбные лица друзей и родственников: «Прощай, Смерть! Нам повезло пережить тебя, но вряд ли это надолго...» Можно пережить клиническую смерть – слово «клиническая» превращает смерть во что-то рядовое, обыденное, с чем ты встретился, раскланялся, приподняв шляпу, и пошел дальше своей дорогой. Можно пережить смерть в художественном произведении: герой умер, на страницах или на экране, и ты утираешь слезы. И наконец можно пережить смерть, если ты аватар[1 - Слово «аватара» (от санскр. «нисхождение») означающее человека, временно ставшего воплощением божества, в Кекрополе используют как в мужском («аватар»), так и в женском («аватара») роде. Род зависит от того, о ком в данном случае идет речь.] с повышенной чувствительностью, и где-то неподалеку умер другой аватар, чей бы он ни был...

Где? Чей?!

Питфей сел на кровати. Взбил подушку, подсунул себе под спину, устроился поудобнее. Борясь со слабостью, естественной для пожилого человека, с желанием отложить все до утра, когда солнце разгонит орду призраков, вернулся в пыточную камеру памяти. Корчась в постели, восстановил недавние ощущения. Подверг анализу каждый нерв, каждое волоконец кошмара. Силу, напор, интенсивность. Тяжело сглатывая, не закрывая глаза – иначе головокружение превращало кровать в карусель – соотнес результат с расстоянием до эпицентра. Да, Кекрополь. Вне сомнений, Кекрополь.

Как и предполагалось.

Аватар Неистового, Лучезарного, Госпожи, Убийцы – бог знает кого, и определение «бог» здесь звучало изысканной насмешкой – был убит. Если бы смерть наступила по естественным причинам, она аукнулась бы иначе, не столь болезненно. У Питфея, сибарита и мецената из захолустных Трезен, известного в определенных кругах как Паучок Питфей; у Питфея, регулярного аватара Слепой, богини правосудия, был большой опыт впечатлений такого рода.

Да, аватары. Люди, кого боги цифрала осчастливили своим мимолетным присутствием. Отели, где они останавливались во время визитов в царство материи; нет, не отели – скафандры, костюмы, биологические носители. Разовые, если посещение было первым и последним. Регулярные, если божество приходило еще и еще. Старость не радость, улыбнулся Питфей. За его старость девять старцев из десяти отдали бы всё, что имели. Десятый тоже отдал бы, не

будь он жертвой полного, всеобъемлющего маразма, мешающего нормальной работе мозга. Мозг Питфея работал, как часы. Кровь весенними ручьями бежала по жилам. Сердце билось ровно и сильно. Спина гнулась, суставы не знали артрита. Желудок без проблем справлялся со стейком любой прожарки, рискуя в худшем случае изжогой. Кишечник, в свою очередь... Ладно, хватит. Кого интересует твой кишечник, болван? Стул в норме, количество дефекаций один-два раза в сутки, без длительных сильных натуживаний; кал оформленный мягковатый. О состоянии здоровья аватар написаны тома медицинских исследований. В задницу стул! – как бы странно это ни звучало. Сейчас тебя должно интересовать только то, что ты смертен, как и любой аватар, и в Кекрополе убили одного из ваших.

– Папа?

– Да, Эфра.

– Ты не спишь?

– Сплю.

– Не ври мне. Почему ты не спишь?

Дочь стояла в дверях спальни. Днем она выглядела лучше, моложе, чем ночью, растрепанная, без макияжа, в халате, накинутом поверх теплой фланелевой сорочки. Почуяла неладное? Услыхала, как отец ворочается? Ага, услышала, со второго этажа... Эфра не была аватарой, но годы жизни рядом с отцом в качестве ребенка, и почти сразу – экономки, референта, секретарши, доверенного лица, ходячего инкубатора, в конце концов – о, время отточило чувствительность Эфры до сверхъестественной. Хотя Питфей и был здоров, здоровье семидесятипятилетнего мужчины отличается от здоровья двадцатилетнего атлета. Грипп, например. Вирусу без разницы, аватар ты или нет. Там, где другие три дня валялись с высокой температурой, Питфей валялся день-полтора, но все равно валялся. Запястье, сломанное зимой, когда он поскользнулся в ванной комнате на мокрой плитке – кости срослись быстро, без последствий, подвижность восстановилась полностью, но гипс Питфей носил, как миленький. В такие дни – грипп, гипс, бессонница – Эфра превращалась в тирана, душителя свобод.

- Почему ты не спишь? – повторила она. – Что-то с Тезеем?

Он сто раз говорил дочери, что не ясновидец. Что не связан с внуком больше, чем иной, самый обычный дед. Он сто раз говорил, а Эфра сто раз не верила.

- С мальчиком все в порядке.

- Не ври мне.

- Все в порядке. Его гидромолотом не перешибешь, нашего мальчика.

- Правда, – с удовлетворением произнесла Эфра. Еще с минуту она вглядывалась в лицо отца, затем поправила халат, сползший с плеча, и опустила на тумбочку, стоявшую возле кровати, стакан с водой. Стакан она принесла с собой. – Ты говоришь правду. Тогда что? Убили аватара? В Кекрополе? Я помню, ты говорил, что ждешь. Его убили?

Она всегда была сообразительной. Угадывала мысли отца, как никто. Когда материнская любовь не туманила ее рассудок, Эфра мгновенно связывала воедино причины и следствия.

- Да. Я ждал, и кого-то убили. Его или ее, не знаю.

- Тебе плохо? Вызвать врача?

- Я в порядке.

- Связаться с Тезеем?

- Утром.

- Ты уверен?

- Врач только зря приедет. А Тезей... Что я могу сообщить ему, кроме факта убийства? Место, спросит он. Имя? Время?

- Время. Тебе известно время.

- А толку? Мальчик станет нервничать, суетиться, наделает глупостей...

- Утром ты сможешь сообщить ему что-то, помимо факта?

- Нет.

- Тогда я тебя не понимаю.

- Утро лучше. Мой опыт подсказывает, что утром делают куда меньше глупостей, чем ночью. После восхода солнца дураки умнеют, а умные действуют осторожней.

- Что еще подсказывает тебе твой опыт?

- Что это убийство первое, но не последнее. Значит, время терпит. Прошлый цикл насчитывал пять смертей. Во всяком случае, я отследил именно пять.

- Выпей воды.

- Не хочу. Я попробую заснуть.

- Дать тебе снотворное?

- Не надо. Спокойной ночи, Эфра.

- Спокойной ночи, папа.

Последние две реплики прозвучали чистым издевательством.

Ветер трепал лужи, как тузик – тряпку. Метались, плясали в воде отражения фонарей. Родившийся и возмужавший в лабиринте узких, заставленных мусорными баками переулков на восточной окраине Кекрополя, ветер был из местных, гнилой сявотской породы. Налетчик, воришка, жулик, он выныривал из подворотен, выскакивал из-за угла, отвешивал затрещину: сбить с толку, выхватить, что подвернется – и наутек, пока жертва не опомнилась, не бросилась в погоню.

Тезей надвинул шляпу на брови. Не помогло. Тогда он сунул руки в карманы и втянул затылок в плечи, но шага не замедлил. Ну-ну, издевательски присвистнул ветер. Не свисти, сказал ему Тезей. Денег не будет, понял? Это ветер понял и, разочарованно фыркая, унесся искать добычу посговорчивей. Блики в луже, которую он задел крылом, рябили ядовитым багрянцем. Выше и дальше, намекая, что поздним гостям следует поторопиться, рдела вывеска бара «У Силенна»: неоновый контур, хитрая физиономия сатира.

Сатир щурился, надвинув на глаз косматую бровь.

Дверь, шлюха-притворщица, взвизгнула, жалуясь на насилие, когда Тезей толкнул ее. С костяным перестуком колыхнулась коралловая завеса: окаменевшие останки существ, населявших теплые моря планеты миллионы лет назад, без жалости нанизали на прочные флюорокарбоновые нити и подвесили к низкому потолку. Дробный шепот прозвучал еще раз, и завеса сомкнулась за Тезеевой спиной. Лестница, ступени ведут вниз, поворот налево; второй ряд кораллов, близнец первого. Щуриться, уподобясь сатиру, не понадобилось: вряд ли тут было намного светлее, чем на улице. Сумрак бара, разместившегося в цокольном этаже дома, хаотично подсвечивал лишь тусклый неон да угольки сигарет. Сатир, рогатый хитрец, охранял последний оплот вольных курильщиков, не позволял океану запретов и ограничений, расплодившихся без числа, сомкнуться над пристанищем изгнанников.

Тезей не курил, но здесь ему нравилось.

Электролазурь. Мрачный кармин. Болотная зелень. Мазки противоестественного, мертворожденного света выхватывали из клубов табачного дыма фрагменты, детали, наброски без завершения. Чей-то резко очерченный, карикатурный профиль в обрамлении черных провалов теней; рука со стаканом, где вязко

колыхалась адская смола; дряхлый музыкальный автомат, стеллаж с рядами пыльных бутылок...

– Как всегда?

Бармена приметил бы не всякий. Лысая макушка пигмея едва возвышалась над потертой, но чистой стойкой. В бело-голубой пылице, сыпавшейся из люминесцентной трубки, исцарапанный пластик выглядел хирургически стерильным. Бармен был копией сатира с вывески, только без рогов. Звали бармена Силеном, а было это имя или прозвище, Тезей не знал.

Не все ли равно?

– Спасибо, Силен.

Он взобрался на высокий табурет. Любимое место: сидишь, царь горы, у всех на виду, ни от кого не прячешься – и потому никто не обращает на тебя внимания. А еще – он это выяснил при первом же посещении бара – здесь находился акустический фокус помещения. При желании, если уметь отсекал посторонние шумы, можно услышать любой разговор.

Что-что, а отсекал Тезей умел.

Плащ он снимать не стал, только расстегнул. Шляпа вспорхнула птицей и опустилась на антикварную вешалку: мореный дуб, крайний крючок обломан. За это время Силен успел поставить перед ним высокий стакан: грубая керамика, шершавая и теплая на ощупь. Из стакана тянуло пряной горечью осени. Фирменная Силенова отравка: анисовый узо со специями, кофейный ликер, сок грейпфрута. Что-то еще. У каждого бармена есть свои секреты. Тезей пригубил осень и неосознанно, с детства привычным жестом отбросил назад прядь волос. Прядь вернулась – с упрямством, заслуживающим лучшего применения, она норовила попробовать коктейль. По правде говоря, Тезей давно состриг бы своевольную алкоголичку, если бы не знал, как быстро, а главное, как болезненно отрастают волосы на этом месте. У каждого свои секреты, не только у барменов. Вдохнув, он повязал бандану из тонкой тисненой кожи, которую всегда носил с собой. Убранная с лица прядь, бандана вместо шляпы, лицо наполовину скрыто стаканом – четверо из пяти знакомых прошли бы мимо, равнодушно скользнув по Тезею взглядом и не узнав.

Впрочем, он и не прятался.

Хриплый баритон тек из недр музыкального автомата, бродил по бару, слоистыми волнами дыма омывал посетителей. В застарелый запах крепчайшего киликийского «Адьямана» вплетались сладковатые, чуть терпкие нотки марихуаны. Казалось, кто-то в углу жжет разлохмаченный конец веревки. К тем, кто подмешивал в табак для самокруток толику каннабиса, в баре относились с пониманием: проблем такие клиенты не создавали. Но травкой здешние вольности и ограничивались: «солевигов» или «белоснежек» вышвыривали на улицу без лишних разговоров.

- ...отбил свои, и еще сверху...

- ...новичок появился. Говорят, ногастый.

- Завтра гляну, что да как...

- ...сходи к Прокрусту, говорю. Проверься...

- ...а она?

- ...покочевряжилась да сходила. Бесплатно ж!

- Залетела?

- Отбой тревоги, говорит. Пустая...

- ...нет, завтра не могу. Халтурку нашел...

Гул бара он фильтровал рефлекторно - вычленял отдельные фразы, подолгу не задерживаясь ни на одной, и слух Тезея скользил дальше бесплотной тенью. Три месяца, и ничего. Дохлый номер, дед ошибся...

Хриплый вопль входной двери. Шепот, нет, заполошная трескотня кораллов. Тощий мозгляк прошмыгнул мимо, сунулся к Силену. Острый нос, губы трубочкой, глазки бегают. Крыса и есть крыса. Влазис, припомнил Тезей имя

крысы. Наведывается время от времени, сплетни в зубах носит.

– Привет, Си! Пива!

Пиво у Силена тоже было фирменное. Тезей однажды попробовал из интереса – и больше пива не заказывал. Бармен отметил, но не обиделся. Он вообще был не из обидчивых.

Схватив кружку, увенчанную шапкой пены, Влазис полоснул взглядом, словно бритвой, по бару, кого-то за приметил и удрал в дальний угол. Багровая паутина на стене потрескивала, мигала, выхватывала из тьмы троицу завсегдатаев, оккупировавших круглый стол, и вновь погружала угол во мрак. Не ожидая сенсаций, Тезей на всякий случай срисовал лысеющего бородача (мясистый нос картошкой, серьга в ухе) и двух субтильных парней (патлы, фенечки, куртки из дешевого кожвинила).

Влазис плюхнулся на стул напротив бородача, без спроса выхватил самокрутку из открытой коробки – и, понизив голос, забурчал, забормотал, брызжа слюной. Фокусник, он ухитрялся все делать одновременно: курить, говорить и хлебать пиво. Тезей сосредоточился: мешал треск неоновой паутины. Да и имя свое крыса оправдывала с лихвой: Влазис, «плохая дикция».

– ...весь табун!

– Так уж и весь?

– Ага! В клочья! Были «Лизимахи», и нету...

– Обкурился, Влаз? – с насмешкой рокотнул бородач.

– Я? Обкурился?! – крысюк яростно затянулся чужой самокруткой, выпустил густой клуб дыма. – Да ты бы обделался, если б такое увидел!

– А ты, значит, крутой? Ты не обделался?

– Чуть не обделался, – признал Влазис. Утробно булькая, он с жадностью припал к кружке с пивом. – Чуть не считается!

- И не сбежал?

- Я? Сбежал?! И сбежал бы, да ноги отнялись!

Ухмылка сползла с лица бородача:

- Рассказывай. Где, когда?

- Сейчас, дурила! Перекресток у Козьего въезда знаешь?

- Ну?

- «Лизимахи» тёлку отловили. Ты ж в курсах, они телок голышом катают? Начали обдирать, гогочут...

Песня закончилась. Словно пробудясь от дремоты, музыкальный автомат изверг из себя пронзительный диссонансный аккорд, за ним второй. Автомат быстро входил во вкус: сиртаки в синт-хоп-обработке, хит сезона. Теперь рассказ крысы Тезей мог ловить лишь урывками. Мог, но не очень-то хотел. Он уже знал, о чем поведает крыса городу и миру. Надо же, свидетель! Где только и прятался...

- ...а этот: «Пусти ее!» Ну, думаю...

- Думаешь? Ты?!

- ...байк - хрясть! «Лизимахи» ваще охренели...

- ...а ты?

- Я и сам охренел!..

Клокочет, булькает, льется в глотку пиво. Почему-то бульканье слышно прекрасно, никакой сиртаки его не берет. Зато человеческую речь глушат взвизги недорезанной гитары.

- ...свалил он. Я тоже валить собрался...

К стойке вразвалочку подошел небритый гигант. Парусиновая блуза навывпуск, поверх штанов из того же материала: небритый походил на парусник в шторм. Волосатая ручища легла на стойку, открыв наколку на запястье – якорь, обвитый морским змеем.

- Еще рецины, – угрожающим тоном объявил парусник.

Забрав полулитровую медную кружку со «смоляным», заранее охлажденным вином, он утопал обратно в дым, слился с тенями.

- ...в клочья?

- Кости – хрясть! хрясть! «Лизимахи» орут...

- ...девка?

- Ну!

- Одна?!

- Ну!

- Всех?!!

Тезей вздрогнул. Свидетель или врал напропалую, или у хорошо известной Тезею истории объявился неожиданный, откровенно фантастический финал. Жаль, у самого тонкого слуха есть предел. Кашель: кто-то поперхнулся пойлом, а может, табачным дымом. Грохот: кто-то отодвинул тяжелый стул. Звякнула бутылка о край стакана. Победно взвихрился финал ненавистного сиртаки...

- ...и давай его пользоваться!

- Она? Его?!

– Ага! Как заведенная...

– Баба?! Мужика?!

– Я смотрю: пацан в отрубке, или кони двинул. А она слезла со штыря, два шага сделала и брык – легла пластом. Тут эти и подъехали...

Пауза длилась. Автомат, сжалившись, не спешил врубить новый трек.

– Синяки?

– Кто ж ещё?

Лихой пассаж саксофона заглушил дальнейшие слова Влазиса. Тезей еле сдержался, чтоб не выругаться. Болтовня Влазиса – неужели это начало? То, ради чего он здесь?!

– ...загрузили в фургон и чики-пуки, укатили. Тут слышу: сирены. Подмогу вызвали или криминалистов. Ну, я и отмер – попустило! Хорошо, думаю, меня не срисовали. Отвалил за гаражи, чтоб не светиться...

– Синяки, – эхом отозвался Силен.

Бармен смотрел под стойку: там прятался монитор наружной камеры, установленной над входом. Синяками в Кекрополе звали полицейских – за цвет формы. «Крыше» Силен отстегивал, не жлобился, бар его лишний раз не шерстили, но мало ли кто заглянул на огонек? В карманах посетителей могло сыскаться всякое: от травки и чипов с хакерским софтом до ствола-нелегала. Пусть каждый решает сам: остаться или сгинуть по-тихому, не дожидаясь визита синяков.

Последних нашлось трое. Шустрый живчик накинул ветровку и брызнул к двери черного хода – за вешалкой, слева от стойки. Дверь сливалась со стеной, сразу и не заметишь. За живчиком в узкий проем протиснулся толстяк в куртке, теплой не по сезону. Левый бок куртки оттопыривала подозрительная, наверняка злокачественная опухоль. Следом уже торопился крысюк Влазис, утирая пену с мокрых губ.

Тезей потянулся за шляпой. Буду четвертым, подумал он.

* * *

Громкий лязг верхнего замка?. Масляный шелест и скупой щелчок нижнего. Дерматин обивки лопнул понизу, скребет по замызганным плиткам лестничной клетки. Сметает в сторону окурков, валяющийся под дверью.

Окурков Тезей клал под дверь, покидая квартиру. Раньше на месте окурка – вернее, на семь сантиметров левее – лежала крышечка от бутылки с газировкой. Крышечка пришла на смену коробку? из-под мятных пастилок. Убирали в подъезде раз в месяц, не чаще.

Первая контрольная линия.

С панели в прихожей свет включался сразу во всей квартире. Вешая на крючок плащ, Тезей наметанным взглядом оценил «мозаику»: соринка там, ниточка тут, чешуйка отслоившейся краски на краю половичка.

Вторая контрольная линия.

Он шагнул в столовую. Пыль на ручке и на краю ящика буфета не тронута. Ящик выдвинут на два пальца, как и было перед уходом.

Три месяца тихой, незаметной жизни – если, конечно, так можно назвать бои в «пятиугольнике», обтянутом металлической сеткой, вечерние прогулки в трущобах и зависание в мутных, подозрительных барах. Иногда, если хочешь остаться в тени, надо шагнуть на свет, встать в перекрестье софитов. Да, гром побед. Слава. Экзальтация фанатов. Сексуальная истерика поклонниц. Все это, в сущности, значило, что до Тезея никому нет дела. Ни слезки, ни попыток навешать «жучков», проникнуть в скромную, двухкомнатную, честно снятую через бюро аренды квартиру; подстеречь в темном переулке, достать ствол...

Как бы то ни было, «мозаику» он проверял каждый день. Привычка въелась в плоть и кровь. Пару раз эта привычка спасала ему жизнь. Который час? Три минуты до полуночи. Дед спит, дед ложится рано и встает тоже рано. Стоит ли будить старика без веских причин? Тезей нутром чуял, как остывает след – вот

только куда он ведет?

Что, если никуда?!

Он достал из холодильника банку пива: копчёный «Rauchbier». Пивная банка смахивала на дымовую гранату M18. Тезей выдернул язычок «чеки», отхлебнул прямо из банки, свободной рукой извлек из кармана вайфер. Черный противоударный корпус превращал гаджет в гробик для гнома-неудачника, угодившего под каток. Крышка гроба открылась беззвучно. Через год после того, как Землю накрыла спутниковая сеть глобального вай-фая, последний из операторов сотовой связи капитулировал под натиском прогресса. Кому нужен платный сервис, когда ту же услугу можно получить даром? Никаких сим-карт, никакого роуминга, и связь лучше. Смартфоны, айфоны, кнопочные мобильники – вайферы всех уложили в гроб.

Пальцы коснулись сенсоров вирт-клавиатуры:

«Привет, дед! Отдыхаю, развлекаюсь. Собираюсь в горы, полюбоваться видами. Твой внук.»

Это означало:

«Нужен доступ к «Аргусу». Срочно. Тезей.»

Палец завис над сенсором отправки. Одно касание, и запрос уйдет в облачный ящик, безликий и бесплатный. У деда стоит звуковое оповещение, сигнал поднимет старика с постели... Тезей вздохнул. Сохранил сообщение в память вайфера, захлопнул крышку.

Утром. Завтра.

Нет, уже сегодня.

Икар

Кухня пахла свежей выпечкой и кофе.

– Балуешь ты нас, – проворчал Икар с порога, пытаюсь скрыть смущение. – Хоть сегодня бы выпалась...

Он протер глаза и с опозданием спохватился:

– Доброе утро, мама!

– Доброе, – обернулась от плиты Навкрата.

Как правило, мать опускала характеристики времени: «утро», «день» или «вечер». С ее точки зрения, главным было слово «доброе». Утреннее солнце прошло по лицу Навкрата золотистой кистью, высветило ямочки на щеках, вздернутый, девчоночий нос, полные, чуточку вывернутые губы – эфиопская кровь, наследство Икаровой бабушки. От теплого касания, а может, от вида заспанного сына, Навкрата расцвела улыбкой, но быстро увяла. Сделались заметны «гусиные лапки» в уголках глаз, веки, набрякшие от слез. Даже нос, казалось, изменил форму и поник.

С тех пор, как отец попал под следствие, мать редко улыбалась. Пока отца держали в следственном изоляторе, Икар взял отгулы на службе, благо сверхурочных накопилось порядком. Начальство отнеслось с пониманием. Он боялся на минуту отойти от матери – того и гляди, слезами изойдет, свалится с инфарктом. Отпаивал пахучими сердечными каплями; однажды вызвал «скорую», несмотря на сопротивление Навкрата. К счастью, через пять дней отца выпустили под подписку о невыезде.

«Все будет хорошо! – что ни день, успокаивал Икар мать. – Отец невиновен. Адвокат толковый, стреляный воробей. Оправдают! Я полицейский, я-то знаю. Ты мне веришь, мама? Ты папе веришь? Думаешь, он мог поднять руку на Талоса? Собственного племянника? Да папа мухи не обидит!»

Навкрата кивала. Плакать она перестала, но лучше бы, наверное, плакала. И как тут съедешь от предков, спрашивается? Он уже и квартиру себе присмотрел, и

в цене сторговался. Достало, что в отделе маменькиным сынком дразнят! Съехать сейчас было бы форменным предательством по отношению к родителям.

- Пять минут, малыш. Пять минут, и бугаца будет готова.

- Отлично, мам! Умоюсь, и бегом завтракать.

Холодная вода прогнала остатки сна. Икар ополоснулся до пояса – и, на ходу растираясь махровым полотенцем, в которое с легкостью можно было завернуть слона, вновь сунулся в кухню.

- Папа еще спит?

- Он вчера поздно лег. Садись, у меня все готово.

На столе, словно по волшебству, возникли тарелки, чашки, блюда, блюдца и блюдечки. Ветчина, сыр, зелень, оливки. Два салата – мясной с телятиной и овощной. Хлеб, йогурт, апельсиновый сок. Апофеозом всему – сырный пирог-бугаца, за метр пышущий теплом, прямо из духовки! И кофе пенится в медной джезве с длинной ручкой из темного бука, готовый с шипеньем выплеснуться через край. Ага, разогнался! Мама успеет раньше, мама начеку...

«Кормит, как в последний раз.»

Икар ухватил за хвост черную, пакостную мысль, загнал подальше. Мысль, кошка драная, взвыла; нет, это не мысль, это полицейская сирена. Мать дернулась, как от удара током, но кофе не расплескала. Икар едва не подавился. Сам виноват, придурок! Давно пора рингтон на вайфере сменить. Парни из отдела сперва ржали, крутили пальцами у виска, потом морщились – и наконец махнули рукой. Рингтон Икар не менял из принципа. Сразу ясно: звонят со службы. Захочешь, не ошибешься!

Надо хотя бы громкость убавить...

Звонил инспектор Синид, шеф-напарник Икара.

– Доброе утро, инспектор!

Синид со дня знакомства предложил Икару звать его без чинов, «напарником» – или по имени. Икар кивнул, но так и не решился. Новичок-констебль, стажер, без году неделя в отделе – и инспектор Синид, само спокойствие и компетентность, ближайший кандидат на лейтенантские погоны? Нет, с фамильярностью мы обождем, торопиться не станем. Лицо Икара побагровело. Стыдоба! Как он ни старался, но проглотить кусок пирога целиком не сумел, а медлить с приветствием не хотелось. В итоге честное, нейтрально-приветливое «Доброе утро, инспектор!» превратилось в задушенное, трудно переводимое, едва ли не оскорбительное:

– Доб'юта, ымпеко!

– Прожуй, напарник, – рассмеялись на том конце линии. – Прожуй и проглоти. Если ты подавишься, твоя смерть ляжет тяжким грузом на мою совесть. Скажешь, как будешь готов.

– Я готов!

Икар зашелся кашлем, подтверждая свою готовность.

– Что ешь?

– Бугацу. Мама испекла.

– Везет тебе, шалопай. Меня вот никто пирогами не кормит. Прихвати с собой кусочек, порадуй дядюшку Сонида. А я тебе за это добрую весточку... Кто хотел дело? Крутое дело, а?

– Я хотел!

– Держи, везунчик: не дело, а прелесть, яйца вкрутую. Шесть трупов, один в реанимации.

– Шесть трупов?

Рядом тихо ахнула мама.

– Я знал, что тебе понравится, – Синид насвистел два такта популярной мелодии. – Капитан готов отдать дело нам с тобой. А я готов дать тебе чуточку порулить. Примеришь шкуру первого номера? Если что, подстрахую. За кусок пирога я тебя на горбу носить стану...

На горбу Сонида, подумал Икар, можно гиппопотамов носить.

– Спасибо, инспектор! Я...

– Дуй в отдел. Я уже здесь. Первые материалы пришли, скоро будут данные экспертизы...

Сегодня у констебля Икара был выходной. У инспектора Сонида – тоже.

– Бегу! Лечу!

– Смотри, шею не сверни. Покойнички не сбегут, а твое здоровье мне до?рого. Про пирог не забыл?

– Возьмет он пирог, – громко сказала Навкрата. – Вот, я завернула.

– Передай маме, – вдвое громче ответил Синид, так, что Икар, скорчив болезненную гримасу, убрал вайфер подальше от уха, – что она чудо. Будь она незамужней, я бы знал, что делать. Только из уважения к твоему отцу...

И Синид, дамский угодник, дал отбой.

– Мам, я в отдел. Срочно!

– Да уж вижу, что срочно...

– Выходной отменяется!

– А то я не поняла, – без злобы буркнула Навкрата.

Давясь, обжигаясь, Икар залпом допил кофе, крепкий и сладкий – в отличие от отца, он пил кофе с сахаром, и мама об этом, конечно же, помнила. Первое преимущество жизни с родителями, оно же недостаток: все о тебе всё знают. Второе – пироги, средство подкупа шеф-напарника. И третье – до Управления от дома семь минут пешком. А если бегом...

Бежать он все-таки не стал.

4

Питфей

– Может, хлопья?

– Нет, яичницу.

– Или хлопья? Кукурузные?

– Яичницу. Вот, я уже её ем.

– Хлопья полезные. С молоком, да?

– Знаешь, о чем я сейчас жалею? – Питфей вздохнул. – Надо было удавить тебя в колыбели. Мягкотелый я, вот что...

Эфра пожала плечами:

– И кто бы тогда жарил тебе яичницу?

– Няня бы кого-нибудь.

– И эта кто-нибудь отравила бы тебя на третьем завтраке. Подсыпала бы в яйца стрихнину. Уж я-то знаю, я бы и сама...

– Стрихнин, – Питфей мечтательно прищурился. – Мышьяк. Дитя мое, если я буду завтракать хлопьями с обезжиренным молоком, я вообще никогда не сдохну. Представляешь этот ужас?

Эфра кивнула:

– Представляю. Ешь яичницу.

Разговор, в сущности, не имел смысла: яичница подходила к концу. Эфра обжаривала на сковороде здоровенный ломоть хлеба с вырезанной сердцевинкой, заливала внутрь пару яиц, сердцевину жарила отдельно, с тремя ломтиками сыра и сладким перцем... Смотреть, как дочь хрустит диетическими хлопьями, прихлебывая жиденький чаёк, было для Питфея невыносимо. Да, желудок. Гастрит, или что там у нее – обсуждать с отцом свое здоровье Эфра отказывалась наотрез. Злилась, хлопала дверью. При желании Питфей мог выяснить про дочь все, что требовалось, от состояния ногтей до количества белка в моче, но он знал, что смертельно обидит Эфру, начав проверку за ее спиной.

Я сломал ей жизнь, думал Питфей. Она так и не вышла замуж. Сто раз я предлагал ей создать семью, подбирал кандидатуры мужей – бизнесмены, политики, модели, спортсмены, артисты! – нет, и конец разговорам. Эфра была совсем девчонкой, когда я объяснил ей, чего хочу. Помню, как она слушала: серьезная не по годам. Молчала, когда я говорил про опасность эксперимента. Поджимала губы, когда я упирал на высокую вероятность провала. Кивала, когда я отмечал уникальность, а значит, непредсказуемость наших действий. Да, я сказал про действия – «наши». Общие, значит. Скорее всего, это и толкнуло ее согласиться. Это, и еще полное доверие ко мне. Обратись другой отец к дочери с подобным предложением, и в лучшем случае схлопотал бы по морде. Мне повезло, у меня отличная дочь, и отличный внук; вот им со мной не повезло, спорить не буду...

– Папа, монитор!

Еще недавно черней ночи, монитор на журнальном столике мерцал синим. Море, волны. Пенные гребни. Рыба выпрыгивает из воды. Блестящий росчерк, и рыба вновь уходит на глубину. Снова море, волны, пена. Так случалось два-три раза в неделю, тридцать лет подряд. Всегда в неподходящий момент. Колебатель

Земли, один из могущественнейших богов цифрала, был беспощаден. Он требовал, и следовало подчиниться. Искусственный интеллект, не имеющий ничего общего с человеческим, самозародившись в среде, которую люди, не ведая, что творят, создали из нулей и единиц – беспощаден он был тоже по нечеловеческой причине. Пощада, любовь, ненависть, страсти и чувства во всем их разнообразии оставались для Колебателя Земли пустым звуком, фикцией, абстракцией. В случае с человеком Питфей предположил бы изощренную месть. В случае с богом Питфей не предполагал ничего, ибо вступал на неисповедимые пути. Он воспользовался искусно смонтированной записью, чтобы приманить бога в нужный момент. Бог явился, исполнил желание наглеца – и с тех пор требует, чтобы Питфей каждые три-четыре дня, на любом случайно подвернувшемся мониторе, прокручивал злополучную запись вновь и вновь, где бы Питфей ни находился в момент божественного запроса. Зачем это надо Колебателю Земли, если запись доступна владыке цифрала в любое время из любого места, без жалкого участия комка биологической слизи – о таком Питфей старался не думать. Есть вещи, не имеющие внятных объяснений. Скажем, прядь волос на голове внука. Тезей не брил головы, просто волосы у мальчика не росли ото лба до темени. Сизая щетина, не более. А прядь росла, росла вопреки всему, и срезав ее впервые, в раннем детстве Тезея, Эфра больше никогда не пыталась этого делать. Тезей оказался упрямее матери, но и он в итоге смирился.

– Выйди, – попросил Питфей дочь.

Эфра фыркнула:

– Зачем? Хочешь пощадить мою стыдливость?

– Выйди, пожалуйста.

– Папа, я взрослая, не слишком молодая женщина. А ты похож на любителя порнофильмов, которого дети застали врасплох. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что сейчас произойдет. В конце концов, из-за этого ты заперся дома. Включай, не заставляй Колебателя Земли ждать. Напомню тебе, что я – одна из главных участниц этой порнушки. Ничего нового мне не откроется.

– Выйди, прошу.

- Да ну тебя, зануду!..

Когда дочь покинула столовую, Питфей достал вайфер, который всегда носил с собой. Пальцы легли на сенсоры. Сигнал ушел на монитор, море сменилось постельной сценой. Мужчина лежал на женщине: двигался, тяжело дышал. Он поднимался и опускался, запрокидывал голову, протягивал руку и сжимал женщине грудь. В движениях сквозил ритм, знакомый любому взрослому человеку - и в то же время не вполне естественный, рождающий странные, трудноопределимые ассоциации. Звуки, издаваемые любовниками, вне сомнений, прошли специфическую обработку. Стоны внезапно, без видимых причин, приобретали характер скрежета и рокота, всхлипы звучали глубже обычного: так стонала бы и всхлипывала земля, насилуемая гигантом. Изображение тоже мало-помалу приобретало характер землетрясения. Смещение пластов, возникновение расколов и трещин, оползни, вспучивание и опадание рыхлых холмов - все это сперва возникало фоном для эротической сцены, похожей скорее на любительскую, чем на профессиональную запись, затем наслаивалось, сливалось воедино, и уже было трудно понять, любовь это или катастрофа, люди или горные террасы, сползающие в море.

Зачем это было сделано? Какого маньяка заинтриговала бы подобная аналогия? Запись длилась и длилась, и оборвалась внезапно. Монитор погас, питание отключилось.

- Все? - из-за двери спросила Эфра. - Я могу вернуться?

Она чувствует, сказал себе Питфей. Раньше я думал, что она подслушивает, но нет, чепуха. Она просто выходит, ждет, шестым чувством определяет, что требования Колебателя Земли удовлетворены, и спрашивает разрешения войти. Знает, что мне неприятно ее присутствие даже за дверью, и тем не менее... Я добился результата, и теперь вынужден платить за это до конца своей жизни.

- Да, конечно.

- Ничего, - сказала Эфра, шагнув за порог. - Это недорогая цена. За Тезея? Нет, совсем недорогая.

Однажды я не подчинился, подумал Питфей. Колебатель Земли потребовал, а я не поставил запись на просмотр. Я был на совещании, я не мог, не имел права...

На складе армейских боеприпасов под Коринфом произошла серия взрывов, затем пожар. Подробности в рапорте. Сбой обслуживающей программы, редчайшее стечение обстоятельств. Взрывы спровоцировали обвал в заброшенных шахтах выработанного месторождения хромовых руд. Военный поселок потрянуло, офицерское общежитие и клуб провалились в трещины. В общежитии были женщины и дети. В клубе шел концерт. Жертвы, жертвы, жертвы. Никто не связал трагедию со мной; никто, кроме меня. Больше я не рисковал.

Вайфер еле слышно булькнул. Еще не открыв сообщение, Питфей уже знал, что оно от Тезея. Будь Питфей суеверным, счел бы, что это знак – требование Колебателя Земли и весточка от внука совпали по времени, выпали как карты, одна за другой в масть. Знак, знамение. К добру, к худу ли? Но нет, Питфей из Трезен был практичнее всего человеком в мире, реалистом, избавленным от нелепой обузы суеверий. Началось, мысленно произнес старик. Да, началось. Что ты там просишь, мальчик? Проси что угодно, я согласен.

5

Тезей

Проснулся он от назойливого жужжания.

Жук-голиаф с механическим упорством насекомого пытался преодолеть случайную преграду. Нет, не жук. На прикроватном столике содрогался в эпилептическом припадке вайфер, поставленный на виброрежим. Гном-зомби восстал в черном гробике; гном скребся, просясь наружу, требуя свежих хозяйских мозгов.

Тезей откинул крышку гроба:

«Адамиди скончался вчера в 23:40. Объявлен траур. Твой дед».

Началось, подумал Тезей. Не зря я четвертый месяц торчу в Кекрополе. Предвиденья деда можно продавать как акции, от покупателей отбоя не будет.

Гарантированный доход! Смерть аватара, насильственная смерть. Если дед не ошибается – а дед не ошибается никогда! – нас ждет серия. Убийства аватаров, одного за другим; убийства, до которых никому не было дела, а главное, аватары, до которых никому нет дела... Два года назад. Год назад. Всплеск, тишина. Убойный отдел полиции не поднимают на уши. Отсутствует шумиха в прессе. Нет панических слухов в сети. Ни-че-го! Тишь да гладь, на все плевать...

Время! Время смерти: 23:40. Когда он вчера оставил байкеров? В начале одиннадцатого. Он ушел, а вскоре байкеров, если верить трепачу Влазису, порвала в клочья голая девчонка, спасенная Тезеем от насилия. Кто-то из байкеров был аватаром? Дед почуял его гибель? Полтора часа разницы. Не сходится. Или сходится? Байкер-аватар мог выжить – и отдать концы позже, в больнице.

Так или иначе, проверить надо.

Он вывел на дисплей запрос, подготовленный со вчера. Отредактировал текст: «Скорблю. Где состоятся похороны? Я пока в горы, развеяться. Твой внук.» Когда сообщение ушло, Тезей в ожидании ответа включил ноутбук, приложив большой палец к окошку папиллярного сканера. Извлек список аватар Кекрополя, надежно погребенный в недрах субдиректорий, скопировал данные в поисковую программу – и запустил поиск по новостям.

Дед откликнулся быстро, не прошло и пяти минут:

«О месте похорон родственники не сообщают. Удачного восхождения! Мой руки перед едой, не играй со спичками. Твой дед.»

«В больницах и моргах тело не значится, – расшифровал Тезей. – Доступ к «Аргусу» активирован. Будь осторожен.» Прежде чем войти в систему, он открыл дорожную сумку, достал из бокового отделения прозрачный пакетик с белым кристаллическим порошком, подбросил на ладони. Нет, это для особых случаев. С «тысячеглазым Аргусом» мы друзья, справимся и так.

Заставка системы. Повторное касание папилляр-сканера. Есть доступ. Вход. Карта Кекрополя. Поиск по названию объекта. Ввод: «Козий въезд». Захват локации. Вот и камера – одна-одинешенька. Это удача, это маленькая, нет, колоссальная удача, улыбка фортуны: район глухой, запросто мог попасть в

«слепое пятно». Метка камеры горит зелёным, «глаз» работает. Вторая удача: местная шпана или те же байкеры разгрохали бы, недорого взяли.

К удачам Тезей относился с опаской. Удачи предвещали неприятности. Закон равновесия, что ли? Ладно, воспользуемся.

Он выставил время – за пять минут до своего появления – и запустил просмотр. Запись оставляла желать лучшего: мутные контуры дергались, дробились на пиксели, расплывались, вновь собирались воедино. Тени во мраке виртуального Аида, цифровые призраки. Тезей включил коррекцию, поиграл с настройками. Отмотал обратно, на исходную отметку. «Лизимахи» гогочут – звука нет, но по ромам видно – срывают с девчонки одежду, перебрасываются жертвой. В правом верхнем углу...

Тень глухой складской стены. Тень в тени: щуплая фигурка едва различима во мраке. Лица? не рассмотреть, хоть десять коррекций запуская. Ну его, это лицо. Что мы, крыс не видели?

Влазис не соврал. Он действительно был там.

* * *

Когда уносишь ноги от полиции, сойтись с товарищем по бегству легче легкого – если товарищ, конечно, не профессионал. Подсознательная установка: вместе бежим – значит, свой, можно доверять. Глупость, разумеется; опасная глупость. Бросить на бегу: «Давай за мной! Тут проходняк...» Как будто Влазис, родившийся в мусорном баке проходняка, этого не знает! «Оторвались! По стаканчику?» – и вот вы уже если не друзья, то приятели.

Кофейня папаши Патриноса подвернулась кстати. Ну как – подвернулась? Тезей намеренно вывел к ней Влазиса: после марш-броска надо быть дураком, чтобы отказаться промочить горло. Дураком Влазис был, но идея успокоить нервы, особенно за чужой счет, пришлась ему по душе. Тезею – кофе, крысе – глинтвейн с ромом. Ведь с ромом, да? Наживка нехитрая, но Влазис клюнул с радостью: целоваться полез, дрянь, всего обслюнявил. Случился лишь один прокол: в кофейне горел яркий свет, не чета Силеновому подzemелью, и Влазис узнал Тезея.

К этому Тезей был готов:

– Да, я. Байк? Тяжелый, зараза. Поднял на кураже. Потом сдёрнул, от греха подальше. Ты вот остался, а я сдёрнул. Давай, не телись, рассказывай!

Уговаривать Влазиса не понадобилось. Крыса пела бы песни кому угодно, хоть фонарному столбу, а тут такой слушатель! Такой благодарный слушатель! Да еще и участник событий, считай, братан по несчастью – или по счастью, потом разберемся. Тезей сдёрнул, а Влазис остался, вот и решайте, кто из нас чемпион...

Четыре стакана глинтвейна. Каждый по двести пятьдесят грамм. Двадцать минут перегара в лицо. С корицей Тезей мирился, гвозди?ку ненавидел молча. Гораздо труднее было вытерпеть икоту Влазиса, брызги слюны и отвратительную привычку через слово хватать собеседника за пуговицу.

Ничего, выдержал.

* * *

Вот и я, констатировал Тезей.

В кадр вошел мужчина в плаще и шляпе. На всякий случай Тезей отметил точное время. Ему не впервой было наблюдать за собой на записях с камер, и всякий раз Тезей испытывал живой интерес. Это чувство не имело ничего общего с нарциссизмом. Интерес позволял заново, со стороны, оценить свои действия, отыскать мелкие досадные промахи – и сделать мысленные заметки на будущее.

Взлетел мотоцикл. Упал мотоцикл. Шарахнулся прочь козел в бандане. Девчонка на карачках исчезла в провале меж гаражей. Растерянность, напряжение: позы, лица. Рука бритого наголо «лизимаха» нырнула за спину. Да, тогда он тоже заметил блудливую руку. Нож? Монтировка? Ствол? Узнать не довелось: на Козьем въезде дело закончилось миром, а здесь, на записи, камера смотрела в лицо бритоголовому, не позволяя увидеть, что байкер припас для разборок.

Какая разница?

Ага, кивнул Тезей. Вот я покидаю кадр. Байкеры гомонят, пускают по кругу флягу, вторую. Что это? В проходе меж гаражами обозначилось движение. Мелькнул смутный силуэт, приблизился, и экран зарябил полосами помех. Разбили камеру? Нет, на схеме горел зеленый огонёк. Тезею понадобилась пара секунд, чтобы в этом убедиться: камера по-прежнему работала. Ускоренная перемотка. Минута, вторая, третья... На тридцать второй минуте экран мигнул, восстановив картинку. Спологи полицейских сирен. По земле разбросаны тела. Байки опрокинуты. Суется люди в форме. Подъехала «скорая»...

Память услужливо подкинула заковыристую аббревиатуру «РАДВоФ»: «Режим автоматической диагностики и восстановления функций» при некритичных повреждениях. Поставив запись на стоп-кадр, Тезей сунулся в спецификации камеры. «Аргус» четвертого поколения, «глаз» установлен шесть месяцев назад. РАДВоФ в наличии. А камера-то, между прочим, полицейская. Похоже, у этого места дурная слава. Пятнадцать минут – штатное время для восстановления при незначительных повреждениях. Два раза по пятнадцать минут? Допустим, в камеру швырнули камень. Не разбили – зацепили, временно вывели из строя. За два штатных цикла – основной и дублирующий – автоматика восстановила работоспособность.

У меня украли полчаса, отметил Тезей.

Кто ж это у нас такой меткий? Такой предусмотрительный? «Лизимахи»? Будь они умнее, знай о камере заранее – расколотили бы еще перед тем, как начать глумиться над девчонкой. Что у нас в спецификации? Пометка «С», значит, скрытая. Сразу и не заметишь, а в темноте – и подавно. Запустили камнем наугад, от пьяной удали? Совпадение?

В совпадения Тезей не верил.

Девчонка? Если верить Влазису, она вернулась – кто, кто в это поверит?! – и словно с цепи сорвалась. Если у девчонки упала планка, если она взбесилась... Куда ей камеры бить? Тут холодный расчет нужен, а откуда взяться расчету, когда крышу снесло?

Прокручивая в голове ситуацию так и эдак, он развернул окно закончившей работу поисковой программы. В новостях – глухо. Никто из кекропольских аватаров вчера не погиб. Ну, или о его гибели еще не пронюхали репортеры.

Новичок? Принял в себя обитателя цифрала, аватарнулся по первому разу – и сыграл в ящик? Стал аватаром давно, просто не зарегистрировался?

Запись. Полчаса, гори они огнем.

Сбой может быть не только механическим, но и программным. Имея полный доступ к «Аргусу» в активном режиме, можно организовать любую пакость. Дорисовать росчерк летящего камня: от настоящего не отличишь. Без проблем. Есть умельцы, но на каждого умельца есть другой умелец с левой нарезкой...

«Дед, я тут ролик нашел прикольный. Твой внук.»

Прогнав ссылку на запись через шифровальную программу, Тезей приложил ее к сообщению. Любой, кто прошел бы по ссылке без дешифровки, угодил бы на свежий клип «Вакханок» с пародийным садо-мазо. Клип был и вправду прикольный.

6

Икар

Новое здание Управления туристы принимали за храм античности после капитальной реставрации. Колонны, портики, барельефы, пятиметровая статуя Слепой на фронте. Любителей фотографироваться на фоне достопримечательности гоняли-гоняли, и в итоге плюнули: всех не перегоняешь. Вреда от снимков нет, а польза налицо: реклама доблестной полиции.

Ступени мраморной лентой хлынули за спину – Икар шел на взлет, набирал разгон. Полыхнули отраженным солнцем стекла в вертушке двери. Когда молодой констебль нырнул в прохладу холла, позади, замедляя обороты, еще крутился гигантский стробоскоп, плевался очередями солнечных зайчиков. Из высоких окон рушились потоки света, граненые и объемные. В них без числа роились пылинки. По контрасту с этим фейерверком затененные углы выглядели более сумрачными, чем на самом деле.

Пять шагов до контрольных турникетов. Кивнув дежурному, Икар мазнул пропуском по окошку сканера и свернул в коридор, ведущий в левое крыло. Здесь обосновался Специальный дивизион по борьбе с насильственными преступлениями.

Управление представляло собой многоуровневый лабиринт, кишечник окаменевшего монстра. В первую неделю службы Икар дважды заблудился – пришлось спрашивать дорогу у встречных коллег. Во избежание дальнейших конфузов он десять дней кряду задерживался после работы – этаж за этажом, коридор за коридором изучал планировку здания. Теперь Икар вполне мог бы водить туристические группы по здешним маршрутам высшей категории сложности. Ряды безликих дверей. Номера на латунных табличках. Злобный лай: начальник отдела приступил к утреннему разносу. Семенит курьер с увесистой стопкой пухлых папок. Дурацкая традиция – вести дела в бумаге. Работаешь, как цивилизованный человек, с файлами в планшете, но по завершении дела вынь да положи разлохмаченную кипу мертвой древесины...

Темные века!

Из расширителя налево. Семь ступеней вниз. Направо, два пролета вверх. Разворот на сто восемьдесят. Мимо кабинета шефа: персональная табличка, матовое стекло на двери. Вперед до упора – и здравствуй, «торцевой» офис, штаб-квартира славного отдела тяжких криминальных преступлений.

– Доброе утро!

Ему отвечали. Иногда просто кивали. Брюзга Паламед сделал вид, что оглох. Нет, и впрямь оглох: наушники. На мониторе бились в падучей рыбы хребты – развертки двух звуковых дорожек. Запах дрянного кофе, шорох бумаг, шелест клавиатур. Кто-то бубнит в вайфер. Сдвоенный угловой стол у окна. Записка придавлена стальной карандашницей:

«Дело в верхнем ящике. До конца расследования тебе присвоена временная квалификация детектива. Справишься – получишь постоянную. Удачи! Скоро буду.»

Подпись отсутствовала, но аккуратный почерк Синида не узнал бы лишь слепой. Икар извлек двойной комплект ключей: от своего стола и от стола инспектора.

«Что главное между напарниками? Доверие, шалопай.» Тонкая папка, номер вписан от руки. Дело! Его первое серьезное дело.

Время, место. Семь потерпевших. Все – мужчины. «Лизимахи», у всех задержания, у троих – судимости. Пальчики в базе, идентифицировали без проблем. Шестеро – «телесные повреждения, несовместимые с жизнью». Седьмой – тяжкие телесные, в момент обнаружения находился без сознания. Доставлен в реанимацию: Вторая городская больница, отделение неотложной хирургии. Надо позвонить, справиться о состоянии. Если жив и пришел в сознание...

Фотографии с места преступления. Руки безвольно раскинуты в стороны. Шея вывернута под неестественным углом. Из разинутого рта вывалился, свесился набок багровый язык. Левая нога сломана выше колена. Наружу, проткнув брючину, торчит осколок бедренной кости. В грудной клетке – дыра, по краям различимы обломки ребер. Крупным планом – темно-лиловое пятно гематомы ниже подбородка. Обе руки сломаны в локтях. Предплечья вывернуты в обратную сторону, из-за чего труп напоминает искалеченное насекомое. Штаны спущены до колен, синюшный от натуги фаллос перетянут у основания тонким витым шнурком.

Трупы Икару были не в новинку. Он знал, куда шел, подавая документы в школу полиции, но сейчас его передернуло. Усмирив разыгравшееся воображение, молодой констебль долистал фотографии до конца. И перелистал заново, прежде чем перейти к предварительному заключению судмедэксперта. Да, он не ошибся. Крови, считай, не было. При всем своем куцем опыте Икар хорошо представлял, сколько бывает крови от колото-резаных ран, оставляемым ножом, сколько – от огнестрельных. Всех шестерых прикончили «твердым тупым предметом» – или?..

Неужели голыми руками?!

Что думает по этому поводу судмедэксперт? Челюстно-лицевая травма. Открытый перелом. Закрытый перелом. Черепно-мозговая. Перелом шейных позвонков. Вывих. «Нанесены с особой жестокостью лицом или лицами большой физической силы, возможно, прошедшим(и) специальную подготовку, с применением приемов рукопашного боя и/или холодного оружия ударно-раздробляющего действия...»

Описание места преступления. Перечень улик. Орудия убийства в перечне не значились. Кто составлял отчет? Сержант Николаидис, дивизион Северо-Восточного округа. Икар открыл базу данных, отыскал сержанта Николаидиса и набрал высветившийся номер.

* * *

- Как жизнь, шалопай? Бьет ключом?

- Угу...

- Что, уже раскрыл дело? Кто убийца? Садовник?

Инспектор Синид упал в кресло напротив, хотел по давней привычке забросить на стол ноги, но в последний момент сжалился над «шалопаем». Разговаривать с подошвами инспекторских ботинок – удовольствие сомнительное.

Оценив поступок, Икар достал из ящика стола гостинец, завернутый в вощеную бумагу.

- Вот, бугаца. Жаль, остыла...

- Взятка! – возликовал Синид, хватая угощение. – Взятка должностному лицу, данная при отягчающих обстоятельствах! Хитёр, бобёр! Теперь, облажайся ты по полной, я не смогу отдать тебя на растерзание капитану! Значит, так, каждому по заслугам: я жую, ты докладываешь...

Рослый, широкоплечий, хорошо сложенный мужчина, Синид излучал спокойствие и уверенность. В его присутствии конфликты мигом сходили на нет. Икар ни разу не слышал, чтобы Синид повысил на кого-то голос. Напротив, самый отъявленный горлопан, будь он полицейский или подозреваемый, в присутствии инспектора начинал изъясняться связно, а главное, без лишнего шума.

- Свидетели? – поинтересовался Синид, когда Икар закончил доклад.

- Глухо.

- Кто вызвал полицию?

- Анонимный звонок. Сейчас проверяют.

- Не отследят. Анонимов никогда не отслеживают.

- А вдруг?

- И не надейся. Анализы крови?

- Алкоголь – у всех. У троих – каннабиноиды, у одного – кокаин.

- Что-то еще?

- Вы снимки смотрели?

- Да.

- Я о выжившем. Стянули штаны, возбудили, член зафиксировали шнурком. Кто? Зачем? Байкеры традиционной ориентации, я выяснял!

- Извращенец? Если накачались дурью, могли и не такое учудить.

- Тут запись с камеры...

- Крепкий парень, – оценил инспектор, когда на записи Тезей, борец из «Элевсина», швырнул в байкеров мотоцикл. – Крутани-ка еще разок.

Пальцы инспектора жили отдельной жизнью, отбивая на столешнице нервный ритм. Икару показалось, что Синид представляет себя на месте борца, примеряет ситуацию: «А я бы так смог?»

- И еще разок...

По экрану ринулись полосы помех. Икар нажал на «паузу».

– Тридцать две минуты камера не работала, – отметил он. – Главное не зафиксировано. Но у нас теперь есть свидетель! А может быть, даже подозреваемый!

– Кто? – изумился инспектор. – Этот бугай? Ты шутишь, парень?

– Первая версия: разборка в табуне. Тезей спровоцировал ее, унизив одного из «лизимахов»...

– Он их всех унизил.

– Одного – в особенности. Выжившего, кстати. Кто-то начал изгаляться над «потерявшим лицо», кто-то за него вступился – и понеслась...

– Вторая версия?

– Разборка между конкурирующими табунами. Подъехали, заранее повредили камеру...

Синид в задумчивости повертел ладонью с растопыренными пальцами – словно откручивал и закручивал вентиль.

– Третья версия – борец?

В вопросе инспектора не было насмешки. Но Икар услышал ее так явственно, как будто над ним смеялся весь отдел. Зардевшись, констебль молча кивнул.

– Вернулся, значит, – Синид сцепил пальцы, хрустнул костяшками. Облизал губы, пробуя версию на вкус. Поскреб ногтем щеку. Мелкие жесты были несвойственны инспектору, и Икар следил за напарником с растущим удивлением. – Вырубил камеру и порвал табун голыми руками? Шалопай, ты сам-то в это веришь?

– Меня учили, что ни одну из версий нельзя сбрасывать со счетов. Даже если версия крайне сомнительная.

– Не сбрасывай. Но разрабатывай первые две. Первую – особенно.

– А Тезей?

– О да, Тезей, – на губах инспектора мелькнула странная мечтательная улыбка. – Это свидетель. Это ценный, мать его, свидетель. Если был другой табун, он мог его видеть. Да мало ли, что еще он мог видеть? Как ты насчет похода в «Элевсин», напарник? Любишь мочилово?

Икар вспомнил синюшный фаллос.

– Нет, – ответил он. – Не очень.

Глава вторая

1

Тезей

– Пи-ри-фой! Пи-ри-фой!

Публика дурела. Публика сходила с ума.

– Пи-ри-фой!

– Смотри, – велел Керкион. – Внимательно смотри.

Тезей пожал плечами:

– Смотрю.

- Нет, ты не смотришь. Не видишь. Парень, это же смерть твоя, понял?

Тезей еще раз пожал плечами, вернее, передернул, намекая Керкиону, чтобы хозяин клуба убрал руку. Дружелюбную, значит, руку, могучую лапищу, густо поросшую рыжей кабаньей щетиной. С такой хорошо приседать вместо штанги.

Керкион ухмыльнулся, но руки не убрал.

Рядом ревниво сопела Антиопа. Она не хотела, чтобы Керкион с наглым видом собственника клал свои клешни на Тезеевы плечи. Она хотела, чтобы Тезей был сам по себе, то есть, с ней. Чтобы он обнимал Антиопу за талию, а еще лучше, с чувством похлопывал по заднице. Литая, мускулистая задница Антиопы, застрахованная в позапрошлом году на три миллиона драхм, была просто создана для хлопков. Реши Тезей, вопреки договору страхования, использовать ее вместо боксерского мешка – не прогадал бы. Тут, главное, не сломать запястье...

Гора мышц слева, подумал он. Гора мышц справа. Отставной чемпион, ныне – владелец клуба. Отставная чемпионка, ныне – владелица клуба. Бои без правил и атлетизм. Борьба и силовое троеборье. «Элевсин» и «Амазонки». Этим двоим следовало бы найти друг друга, не меня. Их связь взорвала бы новостные сайты. Что я делаю между ними? Притворяюсь, будто коротаю свободный вечерок? Дед говорил: будь естественным, не привлекай внимания.

- Смерть? – переспросил Тезей без интереса, лишь бы поддержать разговор.

Керкион кивнул.

- Моя? Думаешь, мальчик меня побьет?

- Это неважно, – отмахнулся Керкион. – Побьет, не побьет... Какое это имеет значение?

- Пи-ри-фой! Пи-ри-фой!

Мальчик, он же Пирифой, танцевал в пятиугольнике. Голый по пояс, в шортах из ультра-легкой микрофибры, где по багровому фону неслись черные тучи, в

налокотниках и наколенниках той же вызывающей расцветки, боец и сам был подобен туче, гонимой ветром. Его противник, густо татуированный громила с низким лбом орангутана, шел на сближение, выцеливая челюсть дебютанта – тычок с левой, еще тычок, боковой с правой – и раз за разом промахивался. Да, оценил Тезей. Керкион – мастер подбирать пары, особенно для новичков. Лучшего фона для рослого, стройного, длинноногого танцора не найти. Зверство против элегантности. Странно, обычно симпатии публики в «Элевсине» на стороне зверства...

Отчаявшись достать Пирифоя кулаком, громила изменил тактику. Бросок в колени мог бы решить исход боя. Опрокинь громила верткого соперника, навались сверху, молотя с двух рук – и Пирифой с гарантией не встал бы. Впрочем, он и не лег: увернулся, сделав изящный пируэт, позволил громиле провалиться в броске, упасть на четвереньки – и безжалостно, наотмашь, словно кистенем, хлестнул левой ногой. Казалось, Пирифой родился мутантом, и в нижних его конечностях с рождения нет суставов – гибкие шланги из армированной резины, стальные чушки на концах. Ребро стопы с глуховатым хрустом ахнуло громилу в затылок. Зверство ткнулось лицом в арену, элегантность раскланялась, а публика, обычно скупая на комплименты, вознесла дебютанта к небесам:

– Пи-ри-фой!

– Ой! – гроыхнуло сверху эхо, напомнив о громиле. – Ой-ё-ёй!

– Обаяние, – растолковал Керкион, скаля вставные зубы. Лошадиная ухмылка должна была иллюстрировать обаяние в понимании старого борца. – У тебя есть харизма, парень. А у мальчика есть обаяние. Тебя любят бабы. Ведь любят? Антиопа, подтверди!

– Иди в жопу, – буркнула Антиопа. – Козел.

– Вот-вот, девочка, в самую точку. Тебя любят бабы, а его любят все. Это значит, и бабы тоже. Он тебя побьет, и все будут им восхищаться. Ты его побьешь, и все будут его жалеть. Ты останешься лежать, он уйдет с арены под аплодисменты. Ты уйдешь с арены, он останется лежать, и овации все равно достанутся ему.

– Почему? – заинтересовался Тезей.

Сказать по правде, логика Керкиона от него ускользала.

- Обаяние. Харизма давит, ты в цене, пока победитель. Обаятельных любят в любой позиции...

- Так ведь я уйду победителем!

- И тебя оценят. Говорю же: твоя победа, ты в цене. А его пожалеют. Его захотят поддержать. Ему дадут аванс, в надежде, что завтра он сожрет твою харизму с потрохами. Репортеры выставят его поражение как победу, ступеньку к будущим триумфам. «Дебютант отлично держался против известного фаворита, и лишь нелепая случайность...» Его фото на спортивных сайтах. Он - крупно, ты торчишь на заднем плане. Тебя поймают неудачным ракурсом... Короче, чтобы справиться с малышом, тебе понадобится нечто большее, чем просто взять его шею в захват и как следует придушить. И твоя пижонская прическа дела не спасет. Въезжаешь?

- Ерунда какая-то. Для меня это слишком сложно.

- Вот поэтому, парень, я хозяин клуба, а ты дерешься на моей арене. Слушай старика Керкиона, я дурного не посоветую. Слишком сложно? Ничего, с годами поумнеешь...

- Эй, ты!

Пирифой стоял над бесчувственным громилой. Палец его указывал на Тезея.

- Да, ты!

Трибуны заткнулись. Намечалась сенсация.

- Иди сюда! Ты ляжешь рядом!

- Твоя работа? - спросил Тезей у Керкиона. - Ты науськал?

Керкион отрицательно мотнул головой:

– Импровизация. У мальчика отличное чувство ритма. Он знает, что делать и когда. Не ходи, он сейчас уgomонится. Покричит, стравит пар и скиснет.

– Ты! – надрывался Пирифой. – Струсил?

Он танцевал, как если бы продолжал бой. По голому торсу тек пот. Копна волос была всклокочена: корона из плавящейся смолы. Вольный разворот плеч, осиная талия, шорты цвета бури на закате. Лицо дышит азартом. Да, согласился Тезей. Тут недостаточно просто придушить. Тут нужен подход с выдумкой. Одной пижонской прически маловато будет.

– Пи-ри-фой!

– Те-зей!

– Пи-ри-фой!

– Те-зей!

Трибуны разделились во мнениях.

– Обаяние, – напомнил Керкион. Глазки хозяина «Элевсина» парой хитрых маслин поблескивали из-под кустистых бровей. Чувствовалось, что происходящее доставляет Керкиону большое удовольствие. – Обаяние против харизмы. Когда эти красотки берут друг друга за глотку, зрители писают кипятком. Не ходи, не надо. Он окажется в выигрыше при любом результате. Лучше я сделаю вам бой в следующем месяце. Надеюсь, кузнечик протянет месяц.

– А если я не подчинюсь тебе?

– Хочешь подраться? Валяй, балбес. Но учти, за этот бой я тебе не заплачу.

– А ему?

– Ты оглох? Я сказал: он уже в выигрыше. Зачем ему деньги?

Пирифой как подслушал:

- Иди сюда! Дерись со мной!

- Иди, - вмешалась Антиопа. - Давай!

Щеки амазонки покрылись багровыми пятнами, дыхание участилось. Пласты грудных мышц ходили ходуном, на шее вздулись синие жилы.

- Чего стоишь? Наслушался старого пердуна?

- Пердун - это я, - пояснил Керкион на тот случай, если Тезей не понял. - Я тебя тоже люблю, Антиопа.

- Дерись! Покажи этому засранцу, кто здесь главный!

Вот теперь точно не пойду, сказал себе Тезей. И раньше не собирался, а теперь вообще.

- Не ходите, - подтвердили за спиной. - Не надо.

Слова были Керкионовы, а голос женский: глубокое контральто.

- Ты еще кто такая? - возмутилась Антиопа.

2

Ариадна

Это был худший день в ее жизни.

Она проснулась в корчах. Зачем-то, словно время имело значение, борясь с судорогами, нашарила вайфер: часы показывали полночь. Кажется, полночь.

Зрение сбоило, казалось, Ариадне подбирают очки, меняя линзы в таком широком диапазоне, что это объяснялось лишь безумием врача-окулиста. Цифры плясали, расплывались, в висках оглушительно стучала кровь. Мочевой пузырь взывал об опустошении, грозил мятежом, но Ариадна боялась встать. Икроножные мышцы превратились в туго скрученные жгуты из сплошных нервов. Они болели так, что хотелось кричать. Почему бы и нет? Крик вряд ли испугал бы кого-нибудь – звукоизоляция на высоте, наружу из частного дома, принадлежащего Ариадне, не донеслось бы и звука.

Прислуга? О, прислуга давно привыкла к своеобразным выходкам госпожи. Прокурорская дочка – так звали Ариадну за спиной. Учитывая Ариаднин характер, прозвище имело не только родственный, но еще и процессуальный, так сказать, подтекст. За обвинениями прокурорская дочка далеко не ходила, всегда держа их под рукой.

Пока Ариадна не нажмет кнопку вызова, никто не придет. Изойди она на мыло, вывернись наизнанку – нет, не придет. А вдруг здесь Неистовый? Пользуется избранницей?! Вдруг божество цифрала оскорбится вторжением? Накажет дерзкого?! Плюсы и минусы жизни регулярной аватары, будь она проклята, такая жизнь.

Плюсы и минусы смерти аватары.

Сила приступа не оставляла сомнений, что все случилось здесь, в Кекрополе, возможно, в соседнем районе. Где-то поблизости умерла аватара, сестра Ариадны по несчастью, или аватар, если речь шла о мужчине. Накрыло капитально, Ариадна даже сгоряча предположила насильственную смерть, хотя слабо представляла, кто в здравом уме посягнет на самую опасную жертву в мире. Убить аватару не сложнее, чем отправить к праотцам обычного, не замеченного в контактах с цифралом человека. Выстрел, кухонный или охотничий нож, пальцы смыкаются на горле. Яд, наконец. Дорожно-транспортное происшествие. Могучее здоровье аватар, предмет зависти идиотов – что оно может противопоставить насилию? Будь ты здоров, как бык, за насилием всегда остается последнее слово. А потом, в гробовом молчании, приходят боги цифрала. Найдется ли в Кекрополе человек, кто не знал бы историю Ниобы, владелицы компании по производству экзопротезов молочных желез? Ниоба первой догадалась набирать в штат женщин, перенесших мастэктомию – успешные, розовощекие, привлекательные сотрудницы служили отличной рекламой, ежегодно увеличивая капитал компании. От пяти законных

мужей, без возражений сменявших друг друга, Ниоба родила четырех сыновей и трех дочерей. К сожалению, Хлорида, младшая дочь бизнес-леди, страдала врожденным лейкозом. Девочка нуждалась в срочной пересадке костного мозга, и мать, обожавшая позднего ребенка много больше, чем остальных чад, ради малышки Хлориды пошла на преступление.

Аватары были идеальными донорами: их кровь можно было со стопроцентной гарантией переливать любым реципиентам, не беспокоясь о совпадении группы или резус-совместимости, кожа аватар приживалась у самых тяжелых ожоговых больных без отторжения трансплантата и с полным сохранением чувствительности, а пересаженные органы служили лучше родных, не требуя применения иммуноподавляющих препаратов. Пять аватар, к которым обратилась безутешная Ниоба, отказали ей в донорстве, не объясняя причин. Миллионы? Нет, не согласны. Засуньте свои миллионы себе в задницу. Обезумев, Ниоба оплатила похищение и вынужденное противозаконное донорство уборщицы туалетов в отеле «Парнас», женщины одиночкой, умственно отсталой, а по совместительству – разовой аватары Лучезарного. Бог посетил уборщицу шестнадцать лет назад, в дамском туалете, при свидетельницах. Случись это в безлюдном месте, уборщица вряд ли была бы зарегистрирована в муниципальных списках кекропольских аватар. Самой ей не хватило бы ни ума, ни желания оформить документы. Но безошибочное исполнение сложнейших оперных арий для меццо-сопрано, длившееся, согласно регистрационной записи, семнадцать минут тридцать четыре секунды – одна из свидетельниц, преподавательница вокала в местной консерватории, сидя в кабинке, чудом засекала время – привлекло внимание постоялиц «Парнаса», и в отель вызвали чиновника, ведающего списками. С тех пор Лучезарный более не интересовался своей аватарой, и Ниоба рассчитывала, что бог навсегда забыл о мойщице унитазов и писсуаров.

Костный мозг несчастной был пересажен Хлориде. Приживление и восстановление функциональной способности мозга шло успешно, с опережением графика. Волнообразная симптоматика, когда улучшение сменяется ухудшением, изматывая пациента, отсутствовала. Показатели анализов крови существенно улучшились, острота симптомов ослабела. Хлориду перевели на щадящий режим и собирались вскоре отправить домой на восстановительный период.

– Нам повезло, – сказал Ниобе лечащий врач.

Он не был в курсе истории с уборщицей. А может, делал вид, что не в курсе. По документации все было чисто, комар носу не подточит.

- Да, - согласилась Ниоба. - Повезло.

За день до конца госпитализации Лучезарный явился на загородную виллу Ниобы, аватаризировав садовника, ухаживавшего в этот момент за розарием. С Лучезарным пришла Охотница, которая в свою очередь аватаризировала повариху. Не причинив никому вреда, садовник и повариха без промедления оставили виллу - и посетили квартиры всех взрослых, живущих отдельно детей Ниобы, оставляя явственные следы посещения.

Садовник вооружился ножницами для подстригания кустов. Повариха взяла тесак для разделки мяса. Действовали аватары с отменным хладнокровием и профессионализмом высшей степени. Кодовые замки радушно открывались перед ними. Замки биометрические, распознающие хозяина по отпечатку пальца, радужной оболочке и сетчатке глаза, а также геометрии и термограмме лица, вели себя еще приветливее кодовых собратьев. Мониторы пультов слежения показывали коридоры, стены, решетки вентиляции, соседей и родственников, не вызывающих подозрений - что угодно, кого угодно, кроме садовника с поварихой. О трагической гибели детей Ниоба узнала в госпитале, где лечилась Хлорида, получив на вайфер анонимное сообщение с подробными записями убийств, уже выложенными к тому времени в сеть с доступом для всех желающих. Параллельно ссылки на записи были разосланы личными письмами по базам почтовых серверов. Домашние страницы браузеров в течение месяца открывались на выкладки ужасающих видео, и никакое изменение настроек не могло с этим справиться.

Свои дни безутешная мать закончила в частной психиатрической лечебнице закрытого типа, демонстрируя врачам и санитарам активные формы суицидального поведения.

Лучезарный не был жесток. Охотница не была мстительна. Боги цифрала - не люди, они лишены биологического начала, а значит, не имеют ничего общего с человеческим разумом, отравленным эмоциями. Они - розы или, если угодно, бурьян, выросший на информационных массивах. Корни их пьют не воду - нули и единицы. И мыслят боги цифрала иными категориями, чем жестокость или месть. Хлориде, кстати, никто вреда не причинил. Девочка благополучно выздоровела, закончила спортивный интернат, выиграла кекропольские

соревнования для средних школ, состязаясь в беге на три тысячи метров с препятствиями, затем – чемпионат мира среди юниоров, и наконец взяла «золото» на летних Олимпийских играх в Спарте, установив новый мировой рекорд со временем 8:36.21.

Матери сообщали о победах младшей дочери, но вряд ли Ниоба понимала, о чем идет речь.

Позже было еще несколько подобных случаев. Иксион, физрук в детском доме, изнасиловал аватару Госпожи. Сизиф, главный архитектор Кекрополя – ради жены, умирающей в госпитале от рака, он выкрал аватара Железного Сердца, мальчика пяти лет, и полторы недели держал его в подвале, угрозами и пытками стараясь договориться со смертью. Близнецы От и Эфиальт Алоэдисы, цирковые акробаты, мучили клоуна Терсита, регулярного аватара Козла – смертельно опасный в моменты одержимости, но безобидный в остальное время, клоун не снес издевательств и покончил с собой.

Все понесли заслуженное наказание. Жители Кекрополя, граждане и метеки, имели возможность в этом убедиться. Особо впечатлительные личности, убедившись, стали плохо спать.

– Мало ли? – вслух произнесла Ариадна, садясь на постели. Мышцы еще болели, но судороги отпускали. – Кто-то попал под машину. Никакого злого умысла, чистая случайность.

Она лгала самой себе. Она знала, что случайность повторится: три раза, как в позапрошлом году, а то и все пять, как в прошлом. О наказаниях за посягательство на аватар никто в Кекрополе даже не подозревал, значит, боги не мстили. Ариадна терялась в догадках. Она потянулась к кнопке вызова прислуги, и тут пришел Неистовый.

Вовремя, успела подумать она. Ох, вовремя, твою мать.

Ариадна плохо помнила, что было дальше. Когда Неистовый захватывал ее мозг и начинал пользоваться телом – единственным, что интересовало босса нулей и единиц – по своему усмотрению, сознание Ариады пряталось в раковину. Туда просачивался лишь жалкий мизер сведений. Впрочем, желания Неистового она успела изучить досконально. Вот Ариадна – босая, в пижаме, нет, не в пижаме, а

нагишом! – стоит в гостиной, напротив открытого бара. Вот тянет руку, берет початую бутылку, и жидкость с бульканьем льется в бокал.

Вино. Бренди. Водка.

Что-то она только пробовала. Что-то пила до конца. Срыгивала и снова пила. Пела песни. Танцевала. Становилась «на мостик». Снова пила, пригубливая, опрокидывала залпом. Из бокала, рюмки, из горлышка.

Ликер. Пиво.

Сегодня Неистовый не задержался надолго. Или задержался? В окно, развернутое во всю стену, полз рассвет. Вис на рамах, мазал жемчужно-серым мебель, стены, потолок. Опустошенная, уставшая так, словно разгрузила десяток вагонов с углем, Ариадна сидела на ковре, тупо уставясь в окно. Рядом, подсыхая, остро воняла лужа рвоты. Прислуга, подумала Ариадна. Позвать, пусть уберут. Нет, позже. Успеется. Последствий алкогольного отравления она не боялась. Неистовый, как любой пользователь, желающий продлить срок эксплуатации гаджета, берег свою аватару. Перестраивал ее метаболизм, который, наверное, тоже был для него комбинацией нулей и единиц, а значит, тем, что можно переключить как угодно, на грани чуда. Количество спиртного, которое свело бы в гроб записного пьяницу, для Ариадны аукалось лишь физическим утомлением и депрессией. Проклятье, беззвучно выкрикнула она. Да все бухарики Кекрополя завидуют мне черной завистью! Что они понимают, кретины... Надо встать. Хочешь, не хочешь, надо встать. Надо сходить в туалет.

Станет легче.

Она ходила в туалет. Стало легче.

– Завтрак, госпожа?

Ариадна еле сдержалась, чтобы не убить дуру. Новенькая, что с нее взять?

Клин клином – визит Неистового вышиб из Ариадны последствия реакции на близкую смерть чьей-то аватары. Спать, спать, теперь спать. До полудня, если не до вечера. Она уже знала, куда пойдет, приведя себя в порядок. Выбор

невелик: скотобойня, бордель, бойцовский клуб. О, прокурорская дочка не собиралась свежевать телят, скакать на возбужденном члене или драться с вонючими гориллами! Смерть, секс, схватка – кто скажет, почему, но зрелище «трех С» было единственным, что помогало Ариадне восстановиться после однообразных, если честно, развлечений Неистового. Запахи пота и крови, стоны наслаждения и боли, тела, корчащиеся под ножом, кулаком или бурной лаской – надо принять лекарство, но сначала спать, забраться под одеяло, свернуться калачиком...

Засыпая, она решила, что пойдет в «Элевсин».

З

Тезей

– Деточка, – сказала Ариадна. – Уймись.

– Деточка?!

Антиопа ахнула впервые в жизни. В смысле, ахнула по-девичьи, от изумления. Раньше как-то было не до аханья: жим, присед, тяга. Вот, случилось.

– Это я деточка?!

Ариадна кивнула: да, мол, деточка. Ровесницы? Ну и что? Иная до вставных зубов дитя, хоть ты булки в чугунные тумбы раскачай. Сердцу не прикажешь, а мозгу и вовсе.

– Тебе не все равно, – добавила она, – кто я такая?

Нет, отметил Тезей. Нет, нам не все равно. Дочь городского прокурора. Единственная, поздняя, вишенка на торте. Числится консультантом в художественной галерее «Парнас». В средствах не стеснена. Регулярная аватара Неистового. Во время одержимости пьет как не в себя, без видимых последствий для здоровья. Светская львица. Звезда сотни скандалов. Та еще штучка. Перед

отъездом из Трезен он зазубрил список кекропольских аватар – на всякий случай. Регулярных – всех, разовых – сколько смог.

Личная инициатива, не приказ деда, но дед похвалил.

– Ты!..

У Антиопы только что пар из ушей не повалил. Тезей придержал амазонку, кипевшую от гнева, за локоть. По счастью, Керкион, умница, приобнял Антиопу за плечи с другой стороны. Вдвоем они остановили бы стартующий гоночный болид. Будет хуже, если Антиопа зашвырнет прокурорскую дочку на трибуны, в пятый-шестой ряд. Будет много хуже, да. Жим, присед, тяга. Эта зашвырнет и не посмотрит, что аватара. Страшно подумать, что сделают с амазонкой, если аватара Неистового сломает себе шею...

– Плохо спали ночью? – спросил Тезей у Ариадны.

– С чего вы взяли?

Вопрос удивил не только амазонку, переставшую рваться в бой. Прокурорская дочка поджала ярко накрашенные губы, смерила Тезея взглядом с ног до головы. Кажется, Ариадна уже забыла, что парой минут раньше давала этому хаму добрый совет: не связываться с буйном-новичком. Кажется, она уже не возражала против того, чтобы буйн-новичок накидал хаму пачек, желательно с телесными повреждениями средней тяжести.

– Выглядите не очень, – объяснил Тезей. Когда он хотел, он умел быть очень искренним и очень наивным. В такие минуты он представлял себя дедом, и всё получалось. – Глаза отекли, и цвет кожи... И вообще.

Продолжая контролировать Антиопу, он внимательно следил за прокурорской дочкой. Амазонка торжествующе сопела, уверенная, что Тезей вступился за нее. Ну как же, прилюдно оскорбил лощеную стерву! Пусть радуется, подумал Тезей. Пока Антиопа радуется, она безопасна. Главное, что ответит аватара Неистового; вернее, как аватара ответит. Если дед прав, если и впрямь началось, значит, этой ночью по прокурорской дочке шарахнуло впятеро сильнее, чем по Питфею из отдаленных Трезен. Ариадна, зачем ты пришла в «Элевсин»? Любишь смотреть на дерущихся мужчин? Возбуждаешься от хруста

костей?! Поймай ты ночью весточку от смерти другой аватары, вряд ли бы ты потащилась расслабляться в бойцовский клуб. Отлеживалась бы дома, за закрытыми шторами...

- Да, - внезапно согласилась Ариадна. - Выгляжу я погано.

- Мигрень?

Мастерица, отметил Тезей. Бьет без промаха, с любой дистанции. Не всякая женщина примет такую оценку, как должное.

- Неистовый, - Ариадна вздохнула. От вздоха прокурорской дочки импотент, и тот кинулся бы в ближайший бордель. Можно было поверить, что она делится с близким человеком воспоминаниями о страстном любовнике, измучившем ее. - Не знаю, осталось ли в баре что-нибудь. Хотите проверить? Вы сегодня выступаете?

- Нет.

- Если нет, мы могли бы заехать ко мне. Я ограничусь минеральной водой, а вы проведете инспекцию бара. Внизу меня ждет машина с водителем.

- С водителем? Слишком шикарно для меня.

- Тогда я вызову такси.

Она звала Тезея в гости так, словно никакой Антиопы и на свет не рождалось. Звала? Брала за шкуру и волокна, не спрашивая Тезеева мнения по поводу.

- Выступает, - сказали за спиной. - Он сегодня выступает.

Тезей обернулся.

- У тебя бой со мной, - напомнил Пирифой, длинноногий танцор. Он и сейчас приплясывал на месте, не в силах справиться с возбуждением. - А потом тебе вряд ли понадобится бар. Тебе понадобится хороший врач-травматолог. Дать адресок?

Мальчишка помахал в воздухе рекламным буклетом: «Клинический центр доктора Прокруста. Полный спектр медицинских услуг для взрослых и детей...» За время разговора с Ариадной шустрый Пирифой успел выбраться с арены через служебный ход и сейчас ухмылялся во все шестьдесят восемь зубов. Его фотографировали с трибун; кое-кто уже забрасывал фото в сеть, как баскетболист на тренировке кидает в кольцо мяч за мячом. Пирифой и Тезей. Пирифой и Керкион. Пирифой, Тезей и две обалденных куколки. Новичок и чемпион. Чемпион, новичок и хозяин клуба. Чемпион перед тем, как врежет новичку. Новичок перед тем, как уложит чемпиона. Холодная ярость плеснула Тезею в затылок. Шея онемела, вросла в плечи. Что я здесь делаю, подумал он. Что? Я должен хватать прокурорскую дочку обеими руками, ехать к ней, трахать ее, если понадобится, до полного оупения – аватара, она может что-то знать, чуют, а значит, способна подать мне нить, за которую я ухвачусь. Сообщение от деда, отредактированная запись с камеры наблюдения, голая девчонка – если верить крысе Влазису, она угробила табун байкеров – я должен складывать мозаику из этих камешков, пока у меня дым из ушей не пойдет. Я должен, должен, должен, и я ничего не могу. Уйди я с Ариадной, и амазонка вырвет прокурорской дочке ноги раньше, чем мы дойдем до дверей. Останови Керкион амазонку, и Пирифой махнет мне с левой в челюсть раньше, чем Ариадна вызовет такси...

– Щенок, – Тезей сделал шаг к танцору. – Карьерку делаешь?

– Делаю, – согласился мальчишка.

И подмигнул:

– Пойдем на арену, или тут разомнемся?

Тезей притопнул ногой, пробуя пол. Наливное покрытие из полиуретана. Основание тщательно выровнено. Армированный бетон. Он топнул еще раз. Нижний, подвальный этаж гидроизолирован бентонитовыми матами. Это хорошо, у бентонита эффект «самозалечивания» при механических повреждениях. Каркасы трибун не внушают доверия. Слишком много народа, слишком, это опасно, это называется стрелять из пушки по воробьям. Ярость плескалась в затылке, вымораживала мозг. Проклятье, дед же предупреждал, учил самоконтролю; мой мудрый, спокойный, если надо, бесчувственный дед...

- Ну? - упорствовал Пирифой.

Сейчас он ударит, сказал Тезей самому себе. Он ударит, он не понимает, кто я. Не подозревает, что я собираюсь сделать. Он видит чемпиона, которого стоит только уложить на глазах публики - и слава у тебя в кармане. Не надо год карабкаться на вершину лестницы, от поединка к поединку, теряя зубы, ломая хрящи и кости. Прыжок, полет, и ты на вершине. Обаяние против харизмы. Он ударит, я ни капли в этом не сомневаюсь.

Все началось раньше, чем Пирифой ударил.

4

Икар

- Ан-тиф! Ан-тиф!

В центре пятиугольной клетки рослый бородач вколачивал в пол громилу с окровавленным лицом. Громила вывернулся, залез сверху и начал раскатывать бородача ровным слоем. Трибуны оралы, свистели, хрустели чипсами. Кое-кто прихлебывал из банок пиво и энергетики.

- ...победил Антиф! Приветствуйте победителя!

- Ан-тиф!

- На арену приглашается ветеран клуба Иобет, могучий и беспощадный, и восходящая звезда...

- Пи-ри-фой! Пи-ри-фой!..

- И-ё-ё-ё-бет!

В бойцовский клуб «Элевсин» они прошли бесплатно. «Инспектор Полипемониди, детектив Эвпаламид. Отдел тяжких криминальных преступлений.» Оба были в цивильном – Икар успел заскочить домой и переодеться – но слова Сонида, подкрепленные двумя значками, прозвучали так, что бритоголовые быки на входе молча освободили дорогу.

– Эй, ты! Иди сюда! Ты ляжешь рядом!

– Пи-ри-фой!

– Ты! Струсил?

– Пи-ри-фой!

– Те-зей!

Букмекера Икар заметил сразу: жердяй в вышитой жилетке на голое тело возвышался над толпой – утес в бурном море. С разгону нырнув в пучину, обдирая бока о рифы и мели, сквернословящие вслед нахалу, Икар выгреб на стремнину:

– Тезей сегодня дерется? Прямо сейчас, да?!

– Не-а, – зевнул букмекер. – Приходи послезавтра.

– А чего все орут: Тезей, мол?

– Так новичок нарывается. Рвет жопу на рекламный щит.

– Во, блин! Я его фанат, Тезея, – Икар мысленно обругал себя: следовало заранее изучить расписание. – Автограф хотел взять...

– Повезло тебе, фанат. Тезей в клубе, с хозяином тусуется...

Букмекер махнул рукой в сторону прохода, ведущего к раздевалкам и служебным помещениям. Там, равнодушная к воплям публики, беседовала

любопытная троица. Великан в цветастой гавайке и шортах-бермудах. Великанша: черные шорты – в обтяжку, багровая майка – в обтяжку. Между гигантами стоял – тусовался, если верить букмекеру – свободный от боёв Тезей, ценный свидетель. Если он запросто швырялся мотоциклами, то великаны, наверное, предпочитали грузовики. Еще там была сногшибательная фифа, но назвать ее четвертой в компании язык не поворачивался – фифа была сама по себе, вместе с троицей, и в то же время отдельно. Такие фифы всегда отдельно, хоть на элитных танцуйках, хоть в «обезьяннике» после облавы.

Икар извлек вайфер и, выставив зум, сделал пять-шесть снимков. В зале снимали многие – правда, бойцов, а не зрителей – так что на манипуляции констебля никто не обратил внимания. Нет, обратили, еще как обратили, когда вайфер, сволочь, взвыл полицейской сиреной.

Проклятье!

Кинувшись в проход, на свободный от зрителей пяточок, Икар прикрыл ладонью второе ухо.

– Да! Слушаю!

– Это сержант Николаидис. Мы сегодня...

– Короче, сержант! Я занят!

– Есть короче! – сержант, вне сомнений, обиделся. – Наш техник осмотрел камеру. Механических повреждений нет. Слышите?

– Говорите громче!

– Повреждений, говорю, нет! Ни царапины! Я решил, что вас это заинтересует...

– Спасибо, сержант!

– Я думал, это важно...

– Да, это важно. Я вам перезвоню...

Это действительно было важно. Если механических повреждений нет, значит, ни байкеры, ни Тезей камеру из строя не выводили. Программный сбой? Совпадение? Расталкивая людей, Икар начал пробиваться обратно к Синиду. На это ушла куча времени, и даже пробившись – ну хорошо, почти пробившись, пытаюсь докричаться, привлечь внимание напарника – Икар все равно не успел ничего сказать инспектору, потому что тут и началось. Он не знал, по какой причине оглянулся – хотелось бы думать, что почуял опасность, как будто чутье могло позже, задним числом оправдать молодого констебля перед трибуналом совести – так или иначе, он оглянулся через плечо и увидел.

К Икару проталкивался букмекер.

Людей, отделяющих его от констебля, букмекер раздвигал, растаскивал, расшвыривал. Да, это было именно так – с каждым человеком, которого букмекер убирал с дороги, он поступал чуточку грубее, чем с предыдущим. Вослед грубияну неслась брань, кое-кто освобождал путь заранее, не желая нарваться на толчок или плюху; женщину в брючном костюме, размахивающую программкой сегодняшних боев, букмекер и вовсе хлестнул ладонью по лицу. Бедняга отшатнулась, не удержалась на ногах, рухнула в объятия тощенького юнца, сильно озадаченного внезапным подарком судьбы, а букмекер уже стоял перед Икаром.

– Прекратить! – командным тоном начал было констебль. – Немедленно...

И выяснил, что букмекер шел вовсе не к нему, потому что жердяй, лоснившийся от трудового пота, не замедлив шага, врезал Икару кулаком в челюсть. Удар после затрешины: грубость наращивала качество, опасно приближаясь к черте членовредительства. Из глаз полетели искры, и из ушей, кажется, тоже. Ноги Икара превратились в ватные тампоны, стоять на таких ногах было решительно невозможно. Сидя на полу, молодой констебль привалился спиной к бортику трибуны, попробовал ухватиться руками за спинку ближайшего кресла – и не нашел своих рук. Где-то они, руки, наверное, были, но где? Нокдаун, отрешенно подумал Икар. Если не встану на счет десять, тогда нокаут. Думалось на удивление хорошо, разумно, взвешенно; это двигалось плохо, а думалось на ура.

В полицейской школе, вспомнил Икар, я прошел курс рукопашного боя. Успешно прошел. И зачет сдал, да. Что с того? Ничего, просто вспомнилось... Еще он вспомнил лицо приближающегося букмекера: задумчивость, сосредоточенность,

концентрация. Казалось, жердьяй не людьми кидался, а дегустировал вино редкого купажа, прислушиваясь к каждой нотке аромата, каждому аккорду букета, каждому отголоску послевкусия. Все раскладывал по полочкам – запах, звук, работу мышц – фиксировал, записывал для памяти, для последующего изучения. Судя по всему, собранного материала букмекеру не хватило, потому что он запрыгнул на трибуны, в третий ряд, и побрел дальше, мимоходом избивая зрителей.

Колено в подбородок. Локоть в ухо. Визжит девчонка: ей сломали пальцы. Парень в спортивном костюме летит на головы сидящих ниже. Толстяк хватается букмекера за грудки, за отвороты распахнутой жилетки. Букмекер не задерживается ни на миг. Он бьет лбом: нос толстяка ломается, из ноздрей хлещет кровь. Пинок: толстяк валится навзничь, букмекер идет прямо по нему. Ребро ладони по скуле. Носок туфли в пах. Плечом под дых. Воет старик в льняном костюме-тройке, при галстукке с золотой булавкой. Хрипит дама в вечернем платье: грудь вывалилась из рискованного декольте, трясется студнем. Хлест по глазам. Каблук в живот. Толпа, людское месиво, водоворот, охваченный паникой, и сквозь него плывет хладнокровная акула, не задерживаясь, чтобы сожрать кого-нибудь из подранков – дальше, дальше, увеличивая количество пострадавших, ни разу не повторившись в выборе методов, причиняющих увечья...

Надо встать, сказал себе Икар. Надо вмешаться. Напряжением всех сил, большей частью душевных, он сумел приподняться, и все. О вмешательстве и речи не шло.

Восемь, девять, десять.

Нокаут.

Следующая жертва букмекера оказалась строптивей других. Ровесник Икара, голый по пояс атлет уклонился от кулака, метившего ему в рот, и дважды, со скоростью, изумившей констебля, взбрыкнул жеребцом. Пирифой, сообразил Икар. Новичок, бросивший вызов Тезею. Что он делает на трибунах? Как успел, пробился? Ноги Пирифоя угодили букмекеру в ребра; жердьяй остановился, размышляя о чем-то своем. Он не стонал, не кричал, не спешил ответить ударом на удар. Похоже, боль от собственных травм интересовала букмекера в не меньшей степени, чем боль чужая, вызванная к жизни им самим. Крутанувшись на месте, в тесном пространстве, где и шаг ступить было подвигом, Пирифой с

резким храпящим выдохом лягнул психа чуть повыше брючного ремня. Сложившись перочинным ножиком, букмекер поймал восходящую звезду арены правой рукой за щиколотку, левой – за штанину возле колена, дернул, и Пирифой улетел вниз, в первые ряды. Следом улетел и букмекер, на которого сверху, из шестого ряда, коршуном на добычу упал Тезей.

Да, Тезей, отметил Икар. И не удивился, что узнал Тезея в ситуации, когда и родного брата узнать было бы затруднительно. Вероятно, если тело отказалось служить тебе, рассудок начинает работать как часы.

В таком случае, сказал Икару кто-то с голосом отца, умнейшие люди на земле – паралитики.

Букмекеру удалось встать. Мало кто из профессиональных бойцов на арене умудрялся встать после того, как очутился под Тезеем, но к букмекеру обычная статистика была неприменима. Тезей обхватил его руками сзади, хотел оторвать от пола, но вдруг передумал – на миг отпустив, сунул руки жердю подмышки и сомкнул ладони на затылке букмекера, заставив безумца прогнуться в позвоночнике.

– Бей! – заорал Тезей, перекрыв гвалт толпы.

И Пирифой (чудо!) подчинился.

Подпрыгнув – невысоко, едва ли на полметра – он с лихого разворота воткнул пятку букмекеру в солнечное сплетение. На убой, оценил Икар. Жесть, кранты; тушите свечи, сливайте воду. Констебль даже не заметил, что стоит, честное слово, стоит, нет, тащится, плетется, древней старухой ковыляет в эпицентр свалки. Вряд ли Икар сумел бы чем-то помочь двум опытным «биткам», пытающимся завалить маньяка, но оставаться на месте было для Икара пыткой.

Пирифой прыгнул снова, намереваясь для верности повторить удар, но Тезей внезапно развернулся к прыгуну боком, сдал назад, и пятка Пирифоя всего лишь чиркнула Тезея по бедру.

– Хватит, – велел Тезей. – Убьешь ведь...

Букмекер тряпкой болтался в Тезеевых руках.

- Полиция, - выдохнул Икар, падая рядом на свободное сиденье. - Всем оставаться...

- На своих местах, - закончил Тезей. Прядь волос упала ему на глаза, и Тезей сдул ее в сторону. - Вы вовремя, офицер. Можно, я отпущу этого придурка? Или держать, пока вы не составите протокол?

- Фанат, - прохрипел букмекер.

- Что?

- Сказал, твой фанат... Автограф хотел...

- Кто?

- Этот... офицер...

Лицо его было лицом избитого, страдающего человека. Вряд ли травмы сейчас вызывали у букмекера академический интерес или желание проанализировать степень полученных увечий. Еще пару минут назад Икар видел совсем другое лицо.

- Дать вам автограф, офицер? - Тезей сбросил букмекера в ряды, едва ли не к Икару на колени. - У вас есть фломастер?

- В управлении, - огрызнулся Икар. - Там и распишетесь.

Он уже ненавидел этого человека.

«Почему они молчат?»

С методичностью отлаженного механизма, сцепив руки за спиной, Питфей мерял шагами кабинет. Из угла в угол, словно зверь в клетке. Места хватало, зверя содержали в идеальных условиях – кабинет просторный, впору совещания устраивать, и, считай, пустой. Рабочий стол с терминалом. Кресло, хайтековский трансформер. Напротив – другое кресло, разлапистая амеба. Амеба обеспечивала собеседнику не меньший комфорт, чем трансформер – хозяину кабинета. Питфей полагал, что тем немногим, кого он приглашал сюда, можно сказать, избранным, должно быть удобно. Нельзя позволить затекшей спине отвлекать гостя от беседы с хозяином.

Жаль, сейчас не время для гостей.

Почему они молчат? Почему не реагируют? Ладно, люди: полиция, прокуратура, спецслужбы. От людей укрыться можно. Но почему бездействуют хозяева цифрала? Девять смертей аватар, включая вчерашнюю. Девять насильственных смертей за два года.

И – тишина.

Дюжина шагов вдоль встроенных книжных полок. Ряды корешков от пола до потолка: кожа, ледерин и бумвинил, позолота вытертая и свежая, тиснение. Тринадцатый, несчастливый шаг к торцевой стене. На плазменной панели мелькает нарезка кадров: кекропольский новостной канал. Звук выключен. Дюжина шагов обратно – вдоль окна во всю стену. Закат, просеянный сквозь щели небрежно прикрытых жалюзи, расчерчивает кабинет узкими лужицами багрянца. Шагов не слышно: ступни по щиколотки утопают в ворсе ковра. Полосы света превращают ковер в шкуру чудовища из огненных бездн.

Мотив. Способ. Кому выгодно? Кто имел возможность? Первый случай в многолетней практике Питфея, когда эти вопросы не являлись первостепенными. Почему? Почему хозяева цифрала равнодушны к насилию над аватарами?! Раньше месть их была скорой, ужасной и неотвратимой...

Найдется ответ на главный вопрос – выяснится и все остальное.

Слишком мало данных. Мало? Данных практически нет. До сих пор не удалось даже установить личности погибших. В регистратуре Кекрополя трижды проверили списки аватар: убийств не зафиксировано. Собственно, кроме фактов смертей, нет больше ничего. Да и факты Питфей получил не в виде информационных сводок или полицейских отчетов, а в виде жестоких приступов, когда сердце сбоит, заходясь в отчаянном болеро, и горячий воздух комом застрекает в горле. Ты просыпаешься среди ночи, обливаясь холодным, смертным потом; за исключением одного-единственного случая – всякий раз среди ночи. Просыпаешься, судорожно зевая: ты рыба, выброшенная на берег, ты мучительно переживаешь чужую смерть, как свою, и понимаешь, что следующий приступ в состоянии забрать и твою собственную жизнь. Тебе семьдесят пять лет, старик. Да, здоровье у аватар отменное. Но организм не железный, на то он и организм, белковая слизь, а не нули с единицами, складывающиеся в зубодробительные комбинации...

Вакуум, подумал Питфей. Мой рассудок задыхается в нем. Паучок, тебе нужна паутинка. Материал, на который можно опереться, начать строить версии: куцые, предварительные, хоть какие-то. Я сейчас – антипод, полная противоположность богам цифрала. Факты, данные, информация – их естественная среда обитания. Воздух и вода, пища и кровь, струящаяся по оптоволоконным жилам. Что осталось мне? Чувства, переживания – от высших эмоций до чисто телесных, физиологических ощущений. Мне осталось то, чего напрочь лишены могущественные обитатели всемирной паутины. Нетерпение, ожидание, зуд от комариного укуса, досада, колотьё в боку, вкус хорошо прожаренной яичницы с беконом, надежда... Я нуждаюсь в основе их существования – информации. Они же приходят к людям – входят в людей! – за тем, что недоступно им в горних высях цифрового Олимпа. Недоступно, непонятно, удивительно, а значит – желанно, как любой запретный плод.

Радуйся! У людей с ними есть хоть что-то общее.

«Деда! Колаблик!..»

Какой сегодня день, спросил себя Питфей. Какой? Ах, да, юбилей. Четверть века прошло, подумать только! В этот день внук впервые увидел деда в состоянии аватара. Слепая в очередной раз – как всегда, без приглашения – вошла в разум своего избранника. Надела облюбованное тело, натянула скафандр из плоти, желая выйти в чуждый мир, алогичный, странный, но такой притягательный для Слепой. Обычно Питфей скверно запоминал, что делал и чувствовал в часы

посещений богини, но – чудо? – в данном случае память сохранила почти всё, несмотря на одержимость и двадцать пять улетевших лет.

– В течение прошлого года в Кекрополе было совершено четыреста сорок два убийства. Также зафиксировано двести три факта нанесения тяжких телесных повреждений, в том числе сорок девять со смертельным исходом...

Кабинет – не этот, прежний, еще до перестройки дома. Да, согласился Питфей. Помню. За миг до того, как губы мимо воли начали бормотать про «...нанесения тяжких телесных...», я просматривал файлы на мониторе: дела трезенского регионального отделения (О)ДНБ за истекшие шесть месяцев, успехи и «глухари». Да, меня накрыло, я перестал быть собой, превратился в ничтожество, незначительного наблюдателя, бессильного вмешаться; я забился в самый дальний угол собственного мозга и свернулся клубочком.

– Защита обвиняемого настаивала на том, что половой акт между Эпаламидом и Андромахой произошел по обоюдному согласию, а побои на ее теле появились уже после произошедшего, вследствие конфликта с родственниками...

Пальцы стремительно перебирают клавиши. Счетчиком Гейгера пощелкивает «мышь», открывая и сворачивая сотни «окон». Губы скороговоркой выплевывают цифры статистики:

– Зафиксировано шестьдесят шесть преступлений против свободы, чести и достоинства человека, из них двадцать пять фактов незаконного лишения свободы, восемнадцать фактов торговли людьми...

Преступления раскрытые и нераскрытые, групповые и особо тяжкие. Приговоры оправдательные и обвинительные. Сроки и места заключения...

– ...двести девять человек пострадали от умышленных убийств. Триста двадцать девять – от разбоев. Одна тысяча семьсот – от грабежей. Девятнадцать тысяч пятьсот семь – от краж...

Губы, язык, голосовые связки не успевают за потоком информации, хлещущей через них. Речевой аппарат Питфея не справляется. Он глотает, пропускает звуки, слоги, целые слова. Наружу извергается косноязычная невнятица, понятная лишь Слепой да ее белковому носителю. В мозгу вертится калейдоскоп

снимков и видеозаписей, разбросанных по сети, хранящихся на жестких дисках в полицейских архивах, на флэшках в адвокатских конторах. Убийства, разбои, грабежи оформляются красками и линиями, движением и статикой. Кажется, что они – копия поведения Слепой, суть аватаризации: цифра одевается в плоть. Воображение, черт бы его побрал, достраивает вкус крови, запах ужаса, радость от успешного налета, боль от удара резиновой дубинкой...

– Деда! Колаблик!

Внук влетает в кабинет: буйный пятилетний вихрь. Тезей бежит к деду – и вдруг резко останавливается, едва не падает. Рука гордо воздета над головой. В ней – угловатый корабль с тремя разнокалиберными трубами. Нагромождение палубных надстроек, орудийные башни, бирюзовый флажок на мачте. Корабль собран из деталей детского конструктора.

– Гляди, деда! Какой у меня колаблик!

В иное время, даже будучи занят, Питфей не преминул бы восхититься шедевром внука. В любое время, только не сейчас. Слепой плевать на его жалкую попытку улыбнуться. Питфейа рвет звуковой кашей. Мозг – гибридизированный нейронно-цифровой стадион, по беговым дорожкам несутся марафонцы: десятки и сотни криминальных дел. Серийный маньяк-утопитель: люк канализации, в глубине плещет мутная жижа. Жижа наливается кармином и лазурью, и Питфей не знает, почему. Террористическая ячейка «Немея»: ее разрабатывали три года и взяли полным составом без стрельбы. Причудливый многогранник электрически жужжит, топорщит пестрые иглы дикобраза. Откуда дикобраз? Зачем?! Промышленный шпион в совете директоров оборонной корпорации – «крот» изобличен и взят с поличным. Хрипит росчерк черной молнии в небесах, пылающих огнем...

Нули и единицы. Буквы и символы. Цвета и звуки. Фактаж и спонтанные ассоциации – все это вызывает в Питфее болезненный, режущий острее бритвы отклик. Еще недавно старик – какой старик? О да, в пятьдесят ты тщеславно называл себя стариком... – был уверен, что разучился испытывать эмоции по поводу своей работы. Еще одно расследование, которое надо довести до конца. Еще один преступник, который должен быть осужден согласно закону. Сейчас, когда разумом и телом Питфейа владеет Слепая, все иначе. Жаркая киноварь гнева. Аквамариновая сытость удовлетворения. Пепельный дождь разочарования. Ядовитый ультрафиолет злорадства. Болотные миазмы

отвращения...

- Деда? Ты заболел?

Голос Тезея дрожит:

- Ты не умилаешь, да?

Питфей знает, как выглядит со стороны. Он специально просматривал видеозаписи предыдущих визитов Слепой, хотя это не доставило ему ни малейшего удовольствия. Богиня не возражала, а он хотел знать. Сожаление и упрямство, ярость и грусть, предвкушение и радость – чувства отражаются на лице Питфея с утрированной отчетливостью, словно у мима-безумца. Накатывают волнами прибоя, сменяют друг друга с ужасающей быстротой; каждая торопится стереть предыдущую, заменить ее собой, и так без конца...

Со мной все в порядке, хочет сказать Питфей. Не смотри на меня, хочет сказать Питфей. Уходи, хочет сказать Питфей. И, разумеется, не может.

- Арестованные по подозрению в похищении ребенка в Аркадийской области многодетные родители подозреваются в убийстве одного из своих приемных сыновей...

- Деда, тебе помочь?

- Каждое третье оконченное расследованием преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое седьмое – в состоянии алкогольного опьянения, каждое тринадцатое – несовершеннолетними или при их соучастии...

- Позвать маму?

Когда Тезей приводит Эфру, богини уже нет. Обессиленный Питфей сидит, откинувшись на спинку кресла. Лицевые мышцы отчаянно ноют. На теле высыхает холодный пот. Перед глазами роятся стеклистые мушки. К этому он привык, не впервой. Час-другой, и отпустит. К счастью, Тезей молчит. Питфей не вынес бы объяснений.

Вопрос Тезей задаст пятью годами позже:

– Зачем они это делают?

– Кто? – спросит Питфей.

Он знает, кто. Просто тянет время.

– Боги цифрала! Зачем они входят в людей? Следствия, приговоры! Слепая знает эту всю дребедень...

– Владеет всей этой информацией, – машинально поправит Питфей. – Учись формулировать, малыш!

– Хорошо, владеет! Слепая владеет этой информацией в тыщу раз лучше тебя. Она сама и есть эта твоя информация! От нее нет секретов! Зачем же ей ты, деда?

Я не уверен, что они боги, хочет сказать Питфей. Искусственный интеллект? Это определение еще хуже. Пришельцы? Ложь. Виртуальные формы самоорганизации? Бред. Мы не знаем, как они возникли, откуда, зачем. Количество информации, сходной по содержанию и характеру, перешло в качество? Так или иначе, мы, люди, создали океан, в нем зародилась жизнь, отрастила зубы, шипы, ядовитые щупальца, и вот – временами жизнь лезет на сушу, зовем мы ее в гости или нет. Боги? Мы назвали их богами за неимением лучшего, более подходящего слова.

Эмоции, хочет сказать Питфей. Да, их влекут эмоции. Нет, их влекут не только эмоции, судороги белковой слизи. Хотя, малыш, столь лакомой, столь экзотической добычи для кого другого могло бы и хватить. Омерзение. Возмущение. Сочувствие. Негодование. Брезгливость. Зависть. Гнев. Знай жуй, глотай да нахваливай! Наши чувства, которые мы, люди, испытываем, узнавая о преступлениях – для Слепой это тайна за семью печатями, оазис за пределами ее существования. Слепой интересно, интересно до заворота нулей и колিক в единицах, а для удовлетворения интереса ей нужен я. Но боги ненасытны, у них прекрасный аппетит. Они жрут, блюют и снова жрут. Получая желаемое, они желают большего – и в итоге, как ни крути, вновь получают желаемое. Совмещение несовместимого, соединение известного со странным, понятного – с

невозможным. Когда упорядоченные массивы сведений перетекают в плотские ощущения, потоки данных вызывают бурю чувств, а мертвая информация и живая материя сливаются в единый конгломерат – уверен, это приводит владык цифрала в состояние, сходное с экстазом. Экстаз познания? Прорыва за грань, положенную им их природой?! Быть может. В любом случае, ради этого они и надевают плотские скафандры, то есть нас.

Ничего этого Питфей не произнесет вслух. Он изложит все Тезею другими, простыми словами – так, чтобы внук понял.

– А я? – спросит в конце Тезей. – Когда я стану аватаром?

– Никогда.

– Почему?!

Питфей объяснит внуку, почему, но еще через восемь лет, в день совершеннолетия. Полубоги не бывают аватарами, скажет Питфей. И перед тем, как раскрыть Тезею тайну его рождения, поставит видеозапись – ту, которую Питфей раз за разом вынуждает крутить Колебатель Земли.

Перед этим он посоветуется с дочерью. Эфра разрешит, она умница.

– Ха! – рассмеется Тезей на первых кадрах. – Деда, я это уже видел. Я думал, это твоя любимая порнушка!

– Нет, – без улыбки, без стеснения ответит Питфей. – Это не порнушка.

– А что это?

– Это наживка.

И он начнет рассказ о том, о чем предпочел бы умолчать.

Питфей

(продолжение)

Терминал мелодично звякнул встроенными динамиками.

По крутой дуге Питфей обогнул стол, бросил взгляд на монитор. Сообщение от Ловца Теней – он ждал этой весточки. Питфей не беспокоил Ловца по пустякам: палить из пушки по воробьям было не в привычках Паучка Питфея. Да и сам Ловец, декриптор экстра-класса, делался злей чумы, если его отвлекали мелочами.

«Любопытный фальшак, было в кайф повозиться. Логи подчистили грамотно: ни одного левого коннекта. По входящим на сервер нифига не отследить: на внешнем каскаде прошлись хаотиком, теперь там чёрт ногу сломит. Но весь софт пашет штатно, не подкопаешься. Запись я поднял, почистил, художества обнулil. Любуйся.

P. S.: Там жесьть! Там ваще жесьть!!!»

Несмотря на разницу в возрасте и положении, Ловцу Теней дозволялось обращаться к Питфею на «ты». В переписке, не при личных встречах – прикованный к инвалидной коляске, чудовищно располневший Ловец и под угрозой расстрела не покинул бы своей захлавленной квартирki, а посетителей он принимал не иначе, как по интернету. Точнее, Ловец и не спрашивал дозволения – он был «на ты» со всем человечеством оптом и в розницу, и Питфей решил, что готов позволить декриптору маленькую вольность: слишком ценный кадр, чтобы препираться по пустякам.

К сообщению прилагалась кодированная ссылка. Прогнав ее через декодер, Питфей запустил восстановленное видео с камеры. Завершив просмотр, он пару минут сидел в глубокой задумчивости, машинально почесывая бритый подбородок ногтем среднего пальца, а затем включил повтор. Нет, ему не померещилось. Девчонка, голая и грязная девчонка, рвала в клочья табун байкеров. Результаты ее действий впечатляли. Шея свернута, кадык разбит. Затылок размозжен. Грудная клетка проломлена. Конечности едва ли не оторваны. Девчонка старалась не повторяться. В финале она оседлала

последнего выжившего, вдоволь наскокала на его распухом агрегате, возбужденном при помощи шнурка, встала, сделала пару шагов и свалилась без чувств.

Ловец Теней был прав: жесть.

Фургон объявился через две с половиной минуты. Без мигалок и, похоже, без сирен – звук камера не писала. Люди в форме, плохо различимой в темноте, с деловитостью опытных санитаров погрузили девчонку в фургон – только девчонку, байкеры «санитаров» не заинтересовали. После того, как фургон уехал, прошло еще четыре минуты, и боковой проулок озарился суматошными сполохами полицейских мигалок.

Дальше смотреть не имело смысла.

Да, отметил Питфей. Никакого камня, летящего в камеру перед началом бойни. «...Почистил, художества обнулел.»

Он вновь прошелся по кабинету; вернулся к монитору, вслепую уставился на стоп-кадр. Девчонка валит семерых байкеров? Не такое уж чудо, как может показаться на первый взгляд. Компания придурков, заторможенных алкоголем и наркотой, а девчонка, к примеру, успела лет пять отстреляться и набегаться в горячих точках – в той же Киликии или Колхиде. Питфей навидался таких девочек, знал, на что они бывают способны. Если еще и планка упадет...

Фургон, сказал он себе. Таинственный фургон увозит лишившуюся чувств фурию. Здесь тоже при желании найдется с десятков банальных объяснений. Размышляя, Питфей глянул на плазменную стенную панель, потянулся к пульту, собираясь выключить назойливое мельтешение новостей – и окаменел. Я это уже видел, беззвучно вскрикнул он. Только что видел! Голая девчонка – и сидящий дылда в жилете и шортах-карго. Пятачок на окраине Кекрополя, освещенный мигающим фонарем – и зал бойцовского клуба «Элевсин», залитый электрическим заревом. Табун байкеров и толпа зрителей. Отредактированная Ловцом запись и свежие городские новости. Различия не имели значения, потому что у этих двоих была одинаковая моторика движений: у дылды и девчонки. Они словно приноравливались, пробегали пальцами по клавишам инструмента, изучали функции и настройки. Выясняли по ходу дела: на что способно это тело в симфонии насилия? А если так? И вот так? Оба не повторялись в выборе

средств: толчок, затрещина, удар кулаком. Захват, бросок, залом...

Оба двигались беззвучно.

Звук, с опозданием вспомнил Питфей. Надо включить звук. И отдернул руку от пульта, как от ядовитой гадены, изготовившейся к броску. Нет. Звук только помешает.

Действия дылды, и прежде не отличавшегося миролюбием, становились все агрессивнее, жестче, сокрушительней. Качество записи оставляло желать лучшего – монтаж двух-трех съемок, сделанных вайферами случайных зрителей, оказавшихся вне побоища. Изображение прыгало, мигало, уходило в сторону, но Питфей уверился: дылда сейчас начнет убивать. Уверился – и ошибся. Может, дылда и начал бы убивать, но ему не дали. С верхнего ряда рухнула тень, опрокинула, швырнула вниз. В кадре мелькнуло лицо Тезея, болезненно резкое, контрастное, похожее на карнавальную птичью маску; при виде внука у деда нехорошо ёкнуло сердце...

Обошлось.

Тезей, плохо различимый из-за спин, сгрузил обмякшего буяна в кресло. Обоих заслонила толпа, и Питфей выдохнул с облегчением. Он включил звук на фоне эффектного стоп-кадра: Тезей с дылдой, соперничая в зрелищности с горной лавиной, рушатся через ряды кресел. Объявилась ведущая, сверкнула агатами глаз, хризолитом кулона на пышной груди, перламутром помады на губах:

– ...репортаж нашего собственного корреспондента Диктиса Заробаласа из бойцовского клуба «Элевсин». Побоище в «Элевсине», случившееся полчаса назад, едва не закончилось трагедией, и лишь мужество прославленного чемпиона Тезея Пелопида при поддержке восходящей звезды клуба Пирифоя Флегиаса позволили избежать человеческих жертв. Семеро пострадавших с травмами различной степени тяжести доставлены в больницы города, еще четверым помощь была оказана на месте. Виновник происшествия задержан, полиция ведет следствие...

Ты жаловался на вакуум, криво ухмыльнулся Питфей. На отсутствие информации? Твои жалобы были услышаны – не важно, кем. По двум точкам можно провести прямую и выяснить, куда приведет эта паутинка. Переслать

запись, восстановленную Ловцом Теней, внуку. Пусть подтвердит или опровергнет параллели, возникшие у деда. Сопоставить время вчерашней бойни – и момент, когда тебя, Паучок, скрутил приступ. Байкеры погибли за полтора часа до приступа. Седьмой до сих пор жив. Значит, байкеры ни при чем, приступ – не их заслуга. Остается девчонка. Допустим, она умерла позже, в фургоне – или куда там ее доставили. Допустим, это ее смерть аукнулась тебе приступом. Сегодня, в клубе, никто не погиб. Виновник происшествия задержан. Питфей невольно прислушался к собственным ощущениям, хотя смысла в этом не было: приступ всякий раз накатывал резко, бил наотмашь, в полную силу, без предупреждения.

Дылда, если дело в нем, пока жив.

Надо спешить. Надо срочно связаться с Тезеем. Стой! Питфей осадил сам себя, как рвущегося в галоп жеребца. Внука сейчас рвут на части репортеры – или он дает показания в полиции. Полиция – вероятнее. Ответить Тезей не сможет, заняться записью – тоже, а пришедший некстати вызов приведет к лишним вопросам.

Нужно действовать. Надо ждать.

Проклятье!

Фургон. Тот, что увез девчонку. Не удастся ли разобрать номерной знак? Отследить маршрут по другим камерам? Мальчик мой, думал Питфей, набирая номер специалиста из техотдела. Отбрыкивайся, как хочешь, малыш, но больше часа я тебе не дам. Я всегда был жесток к тебе, уж извини. Я был жесток к тебе еще до твоего зачатия.

И я не изменился с годами.

Глава третья

Тезей

- Представьтесь.

- Зачем? Вам неизвестно, кто я?

- Это нужно для протокола.

Диктофон на столе был включен на запись: на нем горел алый индикатор.

- Тезей Пелопид.

- Ваш род занятий?

- Профессиональный борец.

- Борец?

Молодой навис над Тезеем. Молодой кривился от боли. Молодой тайком щупал ноющую, отбитую поясницу. На скуле молодого багровела, наливалась темной грозовой синевой шикарная гематома – хоть для учебника фотографируй. Челюстью молодой двигал с трудом. Он даже не пытался скрыть неприязнь к Тезею. Вернее, демонстрировал ее напоказ. Слишком явно демонстрировал. Переигрывает? Или вправду невзлюбил?

- Борец, – скучно повторил Тезей. – Профессиональный. Знаете, кто это? Человек, который борется за деньги.

Они находились в допросной: комната три на четыре метра, бежевый пластик стен. В углу, под потолком – видеокамера. Привинчен к полу стол без ящиков. Привинчен к полу стул для допрашиваемого: неудобный, вытертый до блеска сотнями задниц. Пара легких офисных кресел напротив. Крошечное окошко в стальной двери. Классическое смотровое окно в полстены, непрозрачное

изнутри. Если допросная – это намек, то смысл намека был Тезею недоступен.

Почему они не забрали Пирифоя, подумал Тезей. Почему только я?

– Место постоянного проживания?

– Трезены. Адрес продиктовать?

– Не нужно, – еле заметно улыбнулся старший. В отличие от молодого, он сидел в кресле, закинув ногу за ногу. – Как давно вы в Кекрополе?

– Больше трех месяцев. Точную дату приезда не помню.

– Цель приезда? – лязгнул челюстью молодой.

И, похоже, чуть не взвыл от боли.

– Участие в спортивных боях. У вас платят лучше, чем в Трезенах или Спарте.

– В боях без правил?

Речь молодого стала плохо разборчивой. Лязганье аукнулось сильнее, чем Тезей заподозрил вначале.

– Всегда есть какие-то правила, – Тезей пожал плечами. – Клуб лицензирован, все вопросы к владельцу.

– Адрес временного проживания в Кекрополе? Номер вашего вайфера.

Он продиктовал.

– Предъявите содержимое ваших карманов.

Тезей изобразил удивленную мину:

– Вы, кажется, пригласили меня сюда в качестве свидетеля?

Эти двое сказали, что будут ждать его в холле «Элевсина». Да, обождут. Да, ряд вопросов. У Тезея было большое желание послать обоих в тартарары, но он сдержался. Когда врачи и полиция уехали, а публика, возбужденно гомоня, разошлась, Тезею с трудом удалось отбиться от настойчивых приглашений. Приглашали все наперебой: Керкион – пропустить по стаканчику у него в кабинете; Пирифой – завалиться в ближайший бар и надраться до синих чертей; Антиопа прозрачно намекала, что до утра она совершенно свободна...

Прокурорская дочка успела исчезнуть. Впрочем, в такой кутерьме и розовый слон сумел бы исчезнуть незаметно.

Надо было соглашаться – на Антиопу, Пирифоя, Керкиона. Надо было послать детективов к чертям. Ничего, переживут. Не арестуют же они его, ей-богу?! Надо было связаться с дедом – еще не поздно, у старика все равно бессонница... Бормоча под нос все эти «надо», Тезей вышел в холл, где ждали полицейские, затем без возражений нырнул в салон черного «Корреса». Жируют легавые, аж губы блестят! В Трезенах у него самого стоял в гараже «Коррес», правда, другой модели.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Слово «аватара» (от санскр. «нисхождение») означающее человека, временно ставшего воплощением божества, в Кекрополе используют как в мужском

(«аватар»), так и в женском («аватара») роде. Род зависит от того, о ком в данном случае идет речь.

Купить: <https://tellnovel.com/genri-oldi/byk-iz-mashiny>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)